

Проф. Н. Н. Фирсов.

ЧТЕНИЯ
по
Истории Сибири

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

2-ое ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

Русского Библиографического Института

БР. А. и И. ГРАНАТ и Ко.

Москва—1920.

Предисловие ко второму изданию.

1-й выпуск этой работы впервые был напечатан в 1915 году. По техническим условиям настоящего времени, автор не мог сделать даже тех исправлений, которые обыкновенно для нового издания делаются в корректуре,— и потому настоящее второе издание является простой перепечаткой первого. Но, принужденный оставить в книжке все так, как было, автор льстит себя надеждой, что в третьем издании, если таковое состоится, ему удастся не только сделать необходимые исправления, обусловливаемые временем, но в значительной мере и дополнить изложение на основании, как старых, так, в особенности, новых источников.

Автор.

Москва,

14-го Февраля, 1921 г.

I.

История Сибири до появления в ней русских мало известна. По множеству встречающихся в Сибири древних могил и находимым в них изделиям заключают, что в южных, плодородных местностях Сибири „жило многочисленное население, достигшее уже известной степени культурного развития“. В числе могильных вещей было немало сделанных из золота и серебра. Это свидетельствует, что население края умело добывать и обрабатывать благородные металлы задолго до прихода русских; но в то же время такое содержимое могил, когда русские начали заселять эту страну, привлекло к ним усиленное внимание пришельцев, не замедливших приступить к расхищению могильных кладов. Таким образом первые русские переселенцы в крае уже XVI и XVII вв., до разработки рудников, нашли в Сибири „золотое дно“ в ее стародавних могилах и курганах. Здесь создался особый промысел по разрыванию могил и курганов, развившийся настолько, что „могильное золото и серебро“ сделались особою отраслью торговли, как нам сообщает о том д-р Мессершмидт, побывавший в Сибири по поручению Петра Великого. Эти первоначальные работники над курганами, кладоискатели или „бугровщики“, как их называли тогда, разумеется, немало повредили делу сибирской археологии, возникшей в новейшее время. Совершенно пропали для последней и старинные собрания любителей древних вещей, собиравшихся не с целью наживы, а ради любознательности; ибо и эти любознательные, иной раз и образованные люди, смотрели на свои коллекции не как на научный материал, а как на собрание „курьезов“, расхаживавших после их смерти по разным рукам и исчезающих бесследно... Тем не менее то, что начали собирать в новейшее время с чисто научною целью, настолько значительно, что дало материал для нескольких сибирских музеев; всестороннее же исследование этого материала с целью выяснения, по край-

ней мере, основных элементов особой сибирской культуры должно быть отнесено еще к будущему и по существу является делом специалистов археологов...

Обращаясь к изучению Сибири с момента появления в ней русских, мы однако прежде всего должны указать на особенности страны, постепенно занимавшейся русскими, и перечислить население, которое здесь они встретили.

При одном имени Сибири в вашем уме восстает образ громаднейших пространств, расстилающихся от Уральского хребта до берегов Великого Океана и от берегов Северно-Ледовитого Океана до северных границ Китайской империи и до нынешних, так называемых средне-азиатских владений России, словом, образ гигантской страны, охватывающей всю северную часть Азии и своими размерами в $1\frac{1}{2}$ раза превосходящей всю Европу и в $2\frac{1}{2}$ раза всю Европейскую Россию. Известно, что Сибирь занимает пространство до 280,000 кв. миль, представляя страну исключительного контраста в климатическом отношении (более 100°). По устройству поверхности Сибирь делят на две части — западную и восточную, имеющие между собою общим то, что вдоль Северно-Ледовитого Океана в обеих частях тянется унылая, бесплодная, никогда совсем не оттаивающая тундра. Западная часть — низменная, с юга как бы окаймленная с одного конца Алтайскими горами и их отрогами, а с другого — отрогами Урала и между той и другой возвышенностями сливающаяся со степной полосой, с пустынями Туркестана. Большую часть Западной Сибири занимает громадный бассейн широкой и многоводной Оби; при чем левая речная ветвь этого бассейна, главным стволom которой является самый значительный приток Оби — Иртыш, раскинулась в довольно близком расстоянии от рек и речек камского бассейна, а правые притоки Оби сближают ее с другой великой сибирской рекой — Енисеем. Этот последний может быть назван естественной границей между Западной и Восточной Сибирью, ибо к востоку от этой рѣки лежит страна, которой только северная полоса представляет тундру, а большая часть пространства занята горами или их отрогами. На южной окраине Восточной Сибири находится озеро Байкал, окруженное со всех сторон горными цепями; за Байкалом начинается Яблоновый хребет, отклоняющийся на северо-восток, куда тянется и продолжение этих гор — Становой хребет, отроги которого идут в самый крайний северо-восточный болотистый угол — по направлению к Чукотскому носу или к мысу Дежнева; к югу от этого угла лежит, как известно, полуостров Кам-

чатка, высокие горы которой со снежными вершинами и большими вулканами — сопками (Кролюницкая и Ключевская)¹⁾ сближаются северными своими грядками с горной системой Станового хребта.

Среди горной страны Забайкалья протекает река Амур, по берегам которого лежала Даурия, путь куда в XVII стол. был в высшей степени труден и опасен чрез едва проходимые горные кряжи и чрез девственные бесконечные сибирские леса, кишевшие дикими зверями. На русского человека, даже самого неустрашимого характера, крепкой воли, каким был, напр., знаменитый протопоп Аввакум, эта дикая горная страна производила потрясающее впечатление... Во время вынужденного путешествия в Поамурье или (по древне-русскому наименованию) в Даурию Аввакум, привыкший, как и все русские люди, к равнинам своей родины, был подавлен видом высоких каменных гор, среди которых лежал путь. „Горе стало“, рассказывал он впоследствии в автобиографии, — „горы высокие, дебри непроходимые; утес каменный, яко стена стоит и поглядеть — заломя голову. В горах те же обретаются змеи великие, в них же витают гуси и утицы — перие красное; тамо же вороны черные, а галки серые... Тамо же орлы и соколы и курята индийские, и бабы, и лебеди, и иные дикие — многое множество — птицы разные. На тех же горах гуляют звери дикие: козы и олени, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикие: во очию нашу, а взять нельзя“.

Действительно, эта огромная южная окраина Восточной Сибири, при всей ее дикости, была благодатною страной, обильною всевозможными естественными богатствами. Прибайкалье с его центром, величественным озером, имеющим приливы и отливы, кристалически прозрачную воду и изобильным рыбой, а также Нерчинский край, лежащий к востоку от Байкала и уже являющийся как бы переходом к Амурскому краю, — с его богатыми серебром и золотом горами, — это такая обширная область, которая не может быть названа иначе, как одной из богатейших в мире...

Поамурье еще более манило пришельцев дарами своей мощной и щедрой природы. Вот какими чертами характеризует эту природу путешественник нашего времени: „В тайге Амура“, пишет Елисеев, „природа не поскупилась на свои дары; она дала ей много света, много красок, много жизни и красоты. В ней растут рядом сосна и виноград, кедр и орешник, дуб и лиана

¹⁾ Первая выше самого высокого европейского вулкана Этны, а вторая выше Монблана.

дикая яблоня и могучая грабина; сотни цветущих кустарников и трав благоухают под таинственными сводами великанов леса.. Разнообразные деревья поднимаются здесь на десятки сажен, кусты образуют непроницаемые стены, а травы скрывают не только оленя, но и всадника вместе с конем. Сеть плющей; повилики и дикого винограда, сплетающихся между собой и стволами деревьев, кусты, заполняющие все промежутки, образуют такие непроходимые чащи, перед которыми местами бессилён самый топор; лишь один огонь может разрушить эту сплошную стену сплетшихся между собою растений“. Здесь водятся еще до сих пор тигры, барсы, бурые медведи, соболи (которых становится все меньше и меньше), изредка чернобурые лисицы. Об обилии до сих пор рыбы в р. Амуре мы имеем следующее современное нам свидетельство: „Порой“, пишет Алябьев, „во время движения вверх по реке „проходных рыб“ река так и кипит, устье реки запружается ими, а берег реки иногда на несколько времени бывает покрыт сплошными кучами выброшенной волнами рыбьей икры. Кета, горбуша и осетр имеют здесь наиболее хозяйственное значение“. „Где можно“, спрашивает Алябьев, „кроме Уссури (приток Амура), одним неводом вытащить более 2.000 пуд. рыбы и захватить их разом несколько тысяч штук?“ „Амурский осетр“, говорит третий путешественник, Грум-Гржимайло, „достигает весом до 10 пудов“. Это—теперь, в те же времена, с которых мы должны начать свое изложение, природные богатства Поамурья вообще и в частности реки Амура и его притоков были неизмеримо значительнее... Но сюда невероятно трудно было попасть в старину; перебираясь из реки в реку, чрез бесконечную тайгу, тянувшуюся всей Западной и Восточной Сибирью; трудно было передвигаться, переваливая чрез горные кряжи, при суровом климате, с несравненно более низкой температурой, чем под той же широтой в Европейской России, и при всем том „встречая упорное сопротивление со стороны туземного населения, разбросанного по этим неоглядным пространствам.

С этими пространствами, разумеется, предстояла первая и самая трудная борьба. Внешний вид их, кажется, уже намечен: северная полоса—тундра, как в Западной, так и в Восточной Сибири; южнее тундры идет тайга, мрачный и безмолвный сибирский лес—тоже в обеих половинах Сибири, но с тою разницей что в восточной он покрывает гористую страну, а в западной низменную; наконец, еще южнее, в Западной Сибири, степи, примыкающие с двух концов к горам, а между ними сливающиеся

со средне-азиатскими равнинами; в восточной — южная полоса наполнена горными хребтами, распространяющимися и на северо-восток, и отрогами этих хребтов.

Какие же народы жили на указанных пространствах Азии?

В Западной Сибири, на крайнем севере, бродили самоеды, южнее их — остяки по правой стороне Оби и Вогулы — по левой, далее к югу, по Иртышу, жили татары, а по обе стороны Оби — остяцкие же поколения; южнее татар кочевали киргизы, а южнее этих последних калмыки. Сверх того киргизы населяли предгорья Алтая, а калмыки предгорья Саянских гор, уже по ту сторону Енисея — по соседству с коттами и с тубинцами, нынешними урянхайцами.

Между Обью и Томью жили телеуты, а восточнее их, между Томью и Енисеем, гранича на юге с киргизами и юго западе с калмыками, жили татары, на севере соприкасаясь с чатами и с так назыв. пегими калмыками, или „нарым“, жившими по среднему течению Оби. Из Нарымского края можно было по реке Тыму, впадающей в Обь, затем, чрез волок и по реке Сыму, впадающей в Енисей, перебраться в земли, занятые енисейскими остяками, а по реке Кети, правому же притоку Оби, и волоком в Енисей шла другая дорога чрез земли тунгусов, между Обью и Енисеем, в земли Тунгусов же по левому берегу последней реки, между нижней и верхней Тунгусками; южнее тунгусов, по левому берегу Енисея, жили ассаны, а далее, в Восточной Сибири становища тунгусов были разбросаны по обширному пространству к северу и к северо-востоку от Нижней Тунгуски, вплоть до нижнего течения реки Колымы. Прямо на север от тунгусов Нижней Тунгуски жили самоеды — на полуострове Таймыр; на северо-восток от Нижней Тунгуски становища тунгусов прерывались становищами якутов по левому берегу Лены и по нижнему течению реки Яны, а также становищами юкагиров, обитавших по среднему течению Яны, по р. Индигирке и Колыме. Севернее тех и других, т.е. якутов и юкагиров, опять шли тунгусы по берегам Ледовитого Океана, между впадающими в него реками Ачабарой и Колымой.

Сверх того, тунгусы жили еще в Прибайкальском крае с трех сторон — с севера, запада и востока, — окружая озеро Байкал; с запада их соседями были буряты, а с юго-запада — балагаты. С тунгусами, самым большим народом восточной Сибири, мы покончим, если упомянем их еще в горной области Станового хребта, где восточными их соседями были ламуты, жившие по берегу

Охотского моря. К югу от горных тунгусов в Поамурском крае жили дауры, дучары, куяры, ачалы, натки, гиляки. В северо-восточном углу Сибири, по обе стороны Пенжинского залива, жили коряки, а к северу от них чукчи.

Вот почти все народы и народцы, которые найдены были в Западной и Восточной Сибири первыми русскими пионерами в этих неведомых для них, необъятных и суровых странах.

Все эти народы, одной и той же желтой расы, говорят на разных языках и принадлежат к разным этнографическим группам. Так, самоеды принадлежат к урало-алтайской группе, родственной финнам. Обские остяки, народ угро-финской группы, к которой принадлежат и вогулы, не тот же самый народ, как Енисейские остяки, говорящие на другом языке и относимые этнографами к так называемой тунгусской группе, родственной манчжурам. Некоторые (напр. проф. Катанов) думают, что енисейские остяки—помесь финнов и тюрков. К тунгусской же группе, кроме тунгузов, причисляются ламуты, гиляки, коряки, чукчи и некоторые другие. Из народов монгольской группы наиболее видный—буряты. Древние дауры, дучары и другие поамурские народы принадлежали к поколениям манчжурского происхождения. К тюркской группе относятся: киргизы, древнейший тюркский народ Сибири, татары, якуты, калмыки, тубинцы или урянхайцы, котты, телеуты, балагаты, ассаны, чаты, — последние три, по предположению проф. Катанова, получили свои названия от родовых старшин. Само собой понятно, все эти сибирские народы не только в одиночку, но и все вместе взятые совершенно терялись на гигантских пространствах северной Азии; но, надо полагать, число их (которое восстановить нет ни малейшей возможности) было больше, чем в настоящее время, когда приходится констатировать, что некоторые из прежних народов совершенно исчезли,¹⁾ а другие вымирают на наших глазах. Таков очевидный итог столкновений и совместной жизни сибирских инородцев с пришельцами—русскими. Эти столкновения и совместная жизнь русских в Западной Сибири начались в конце XVI века, а в Восточной в I-й пол. XVII века. Тогда, во время трудных и опасных походов русских пионеров, были основаны первые опорные пункты русской колонизации, сначала в Западной, а потом и Восточной Сибири; тогда русские безвестные „землепроходцы“ нащупывали почву на Дальнем Востоке, желая встать прочной ногой в Даурии.

¹⁾ Так напр., ассаны или балагаты (также арины) поглощены татарами и своего языка не помнят (проф. Н. Ф. Катанов).

о природных богатствах которой ходили заманчивые, баснословные рассказы, разжигавшие аппетиты разных „охочих“, вольных „добрых молодцев“, искателей „новых земель“.

Таким образом сразу намечается первый вопрос, подлежащий нашему рассмотрению в истории Сибири, это — вопрос о русской колонизации среди этих громадных пространств, со всеми ее социологическими и психологическими последствиями.

Колонизацию правильно считают основным фактом русской истории. К какой бы эпохе ее мы ни обратились, мы всюду встретимся с этим фактом, находящимся в тесной связи со всем нашим политическим и общественным строем. Колонизация была и одной из важных причин политического и общественного порядка, как он слагался и сложился в России, и одним из главнейших следствий этого порядка, действие которого в смысле развития колонизации продолжается и до сих пор. Но прежде всего славяно-русская колонизация стоит в неразрывной связи с природой страны, на которой наших предков застает история. Такие географические условия, как обширность и равнинность восточной Европы, как бы предопределяя образование здесь в будущем великого единого государства, в то же время долго не располагали население к прочной оседлости, содействовали его разброду, удерживали в характере этого населения кочевые привычки и склонность к бродяжничеству. Великие реки восточной Европы с многочисленными ветвями притоков и близость речных бассейнов друг к другу облегчали подчинение населения, так сказать, центробежной силе природных условий страны: реки растаскивали население по разным углам равнины; но они же поддерживали связь между отдельными его частями, распределявшимися по речным бассейнам. Хорошо известно, что самое образование великорусской народности в верхне-волжском и окском крае есть результат постепенного заселения этого края славяно-русским племенем, которое и встретилось здесь с финским населением (весью, мерей, муромой и мещерой), частью, после упорной борьбы, оттеснило его дальше на северо-восток, частью же ассимилировало с собой. В результате последнего процесса и получилась одна из разновидностей славяно-русского народа — его великорусская ветвь. Эта колонизация началась еще за пределами исторического наблюдения, — по всей вероятности, из области ильменских славян, была новгородской и создала в Верхнем Поволжье первые русские города — Ростов и Суздаль; эта-то новгородская колонизация собственно и явилась той базой, на которой начался процесс захвата нынеш-

ней средней России славянами и формирования здесь новой, великорусской народности. Новгородские славяне, проторив в глубочайшей древности пути в Верхнее Поволжье, всегда сохраняли самую тесную связь с ним, называя его Низовой Землей. Но эта колонизация с северо-запада существенно была поддержана—уже на глазах истории—с юго-запада, из Поднепровья, откуда население пошло в сумрачные заокские леса, уступая тяжелой необходимости. Постоянные княжеские усобицы в южной Руси и набеги на нее степняков,—те и другие, сопровождавшиеся опустошениями и разорениями земли, следовательно—невозможностью здесь какой-либо хозяйственной жизни (на что определенно указывал один из лучших русских людей эпохи—Владимир Мономах), заставляли население массами покидать благодатный по климату и почве край и переселяться в неприветливую страну с трудно проходимыми лесами и болотами, с суровым климатом и мало-плодородной почвой. Наиболее энергичные люди южно-русского населения, не желая мириться с наличною действительностью, ни политической, ни экономической, двигались в северо-восточный по отношению к поднепровью край, селились на его великих реках, устраивали здесь новое себе гнездо, чтобы оставить его в следующих поколениях и идти дальше, как по течению рек вниз, так и против течения—вверх, в случае обретения в пути устья новой реки. В этом движении „охочие“ люди были первыми пионерами, авангардом колонизации, коим иногда, по обстоятельствам, приходилось отходить и обратно, назад, если они несвоевременно слишком далеко забирались вперед. С сохой, топором, рыболовными снастями и оружием передвигались эти люди все на новые и новые места обширного поволжского края, отвоевывая их у испокон веков сидевшего здесь инородческого населения. Нашествие монголов и образование в Поволжье сначала одного, потом двух татарских царств на время сильно ослабили, но не прекратили вполне этого мощного движения: оно сделалось из постоянного спорадическим, приобрело промышленно-экспедиционный характер. Имеем свидетельство, что еще до покорения Казани ежегодно по Волге спускались русские люди для ловли рыбы значительно ниже этого города, „верст на 1000“: ловля происходила „под горами Девичьими“, „от Змеева камня до Увека“; русские рыболовы заезжали также и в Казань и проживали там „все лето“; осенью же возвращались обыкновенно домой на Русь с уловом „и тем весьма богатились“. Хан Шиг-Алей, однажды убежавши из Казани, собрал по Волге таких рыболовов до 10,000

челов., которым тоже поспешно пришлось уйти с Волги из опасения попасться татарам, „предав“, по выражению Рычкова, „огню и воде бывшие у них рыболовные снасти и припасы“ и „взяв на пропитание свое из уготовленной ими рыбы столько, сколько на себе понести было возможно“.

Так русское население в лице промышленных людей само намечало для московского правительства необходимость движения в область среднего и нижнего Поволжья. Покорение Казани и Астрахани было ответом московского правительства на общее желание русского народа, было признанием жизненности и необходимости в том колонизационном движении в средне и нижне-поволжский край, которое, так сказать, стучалось в запертые ворота татарских царств. Когда эти ворота были разбиты, сдерживаемое ими колонизационное движение снова разливается широкими волнами и вниз по Волге, и вверх по Каме, путь на которую был открыт с падением казанского улуса. Мы видим, что оба движения — народное-промысловое и правительственное — идут рука об руку и первое даже опережает второе, делая, в силу этого восточную политику московского правительства весьма популярной на Руси XVI века не только вследствие в данном случае религиозно-национального ее характера, но вследствие ее глубокого экономического значения для русского промыслового люда, неудержимо стремившегося к захвату всего бассейна великих восточных рек. Одним из самых существенных результатов успеха этой политики было движение русских в Покамье и далее, за Уральский хребет. И туда пошли тоже „охочие“ люди, подобные тем, которые много позднее от „скудости большой“ на Дону, „отобравшись“, „пошли на Волгу, а с Волги на море“; теперь „охочие люди“ с Волги пошли на Каму, а с Камы за Камень, в Сибирь. Они, вероятно, как и их потомки с Разиным за морем, не думали остаться в Сибири навсегда; они шли воевать землю „сибирского салтана“, привести его в покорность и получить с него „добычу казацкую“: дальше, надо думать, не шли помыслы Ермака Тимофеевича с товарищами. По крайней мере, кажется, именно это хочет сказать одна сибирская песня:

„Уж вы, горы, гороньки Алтайские!

Приютите вы нас, добрых молодцев, разбойничков:

Мы пришли к вам, гороньки, не век вековать,

Не век вековать, одну ночку ночевать.

По мнению известного писателя о Сибири Ядринцева (высказанному им в „Сибирском Сборнике“ за 1886 г.) здесь „таится

история нашей колонизации". Это, разумеется, увлечение: история колонизации много сложнее; но песня, действительно, едва ли не намекает на самый первый момент, на начало сибирской колонизации.

II.

Мы отметили, что после покорения Русскими поволжских татарских царств колонизационное движение продолжалось со значительной интенсивностью, и северо-восточное направление этого процесса было движением в Сибирь.

Пошло оно, как известно, из владений промышленников Пермского края Строгановых. Последние были колонистами в этих местах. Раньше Строгановы промышляли солеварением на Вычегде, но там была сильная конкуренция со стороны других промышленников, и Аника Строганов, будучи, как всякий промышленник новгородского происхождения, прирожденным колонизатором, с промышленными целями — добывать соль, медную и железную руду — перебирается на Чусовую, в Пермский край. Здесь сыновьям этого предприимчивого солеваря, начиная с 1558 г., царем Иваном Васильевичем были пожалованы обширные земли по Каме и Чусовой с обширными же правами по владению и управлению краем и с обязанностью — укреплять край за Москвой и „оберегать“ его от инородцев. В грамотах, занесенных в Сибирскую летопись,¹⁾ указывается Строгановым — сначала Григорию Аникиеву (1558 г.), а потом Якову Аникиеву (1568 г.) — ставить в пожалованных землях городки по правую и левую сторону Чусовой „для крепости и обереганья“. А земли эти были не малые: от Камы по Чусовой по обоим берегам этой реки, от ее устья „до вершины“, на протяжении 80 верст. „Оберегать“ было что, и вот Строгановы получают право не только „ставить городки“, но иметь „городовой наряд скорострельный: пушечки и затинные пищалы и ручные“,... также право — „людей называть в те городки вольно: пушкарей, и затинщиков, и пищальников, и сторожей и воротников держать“.

Это все было исполнено: городки были поставлены и оборудованы, именно для того, чтобы воспрепятствовать движению на „пермские места“ со стороны „Сибирских и Ногайских людей и иных орд“, „чтобы им“, говорит летописец, „к государевым пермским городам пути не было“. Кроме того летописец понимает,

¹⁾ Летопись Сибирская, изд. Г. Спасского, С.-Петербург, 1821 г., стр. 3—8.

что городки возникли в Пермском крае и для другой службы: „для утеснения“, говорит он, „Сылвенских и Иренских татар, и Остяков, и Чусовских, и Яйвинских, и Илвинских и Косвинских Вогулич“...

Так как обе миссии— „оберегать“ и „утеснять“—Строгановы из своих городков исполняли исправно, то за это государь их пожаловал: велел дать Якову и Григорью Аникиевым „сею государеву грамоту“, чтобы „им в Сибирской стране“, читаем мы в летописи, „за Югорским камнем на Тагчях и на Тоболе реке, и на Иртыше, и на Оби, и на иных реках, где пригодится, для береженья и охочим людям на опочив, крепости поделати, и снаряд огненной, и пушкарей, и пищальников, и сторожей от Сибирских и Ногайских людей и от иных орд держати, и около крепостей, у рыбных ловель и у пашен двory ставить, по обе стороны Тобола реки, и по рекам, и по озерам, и до вершин, и крепиться всякими крепостьми накрепко“.

Пожалование было удобным для царя: Строгановы получили от него то, что ему самому не принадлежало; но это не помешало царю потребовать от Строгановых, чтобы они тех остяков, вогуличей и югричей, которые отстанут от Сибирского Салтана и начнут дань давать ему, московскому царю, посылали с данью в Москву¹⁾, а жен и детей их оберегали бы „в своих крепостях“; непокорных же „сибирцев“ царь приказал в полон имати и к дани ему, государю, приводить, при помощи как покорных сибирцев, так и наемных охочих людей и казаков..

Это милостивое пожалование царем Иваном IV громадных пространств на независимой от него территории было сделано в 1574 году; но лишь в 1579 году Строгановы, Семен, Максим и Никита, обратились к волжским казакам с приглашением их на службу к себе, „в Чусовские городки и в острожки, — на спомогание им“, по словам летописца. До Строгановых дошел слух о храбрости и буйстве этих казаков на Волге, и Пермские солевары послали к ним „людей своих с писанием и с дары многими“. Волжская вольница состояла действительно из наиболее неустра-

¹⁾ Виды Московского правительства на сибирскую дань возникли гораздо раньше рассматриваемого времени: так, имеется грамота царя Ивана Васильевича от 1557 г. (след., вскоре после покорения поволжских татарских царств) к князю Певчею и ко всем Сорыкидские земли князьям о присылке в Москву дани со всякого человека по соболю (М. Пуцилло: Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири, стран. 1, Портфели Миллера в Московск. Арх. Иностр. Дел, № 127).

шимых и закаленных людей... Не мирясь с экономическими и административными условиями родины, они, став разбойниками, не считали однако и нового своего состояния окончательным; наоборот, они считали его временным, случайным и готовы были, при случае, свои преступления и злодеяния покрыть службой тому же государству, из которого они ушли, но кровной связи с которым отнюдь не порвали. Вот почему волжские атаманы Ермак Тимофеев, Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк с готовностью приняли предложение Строгановых, порадовавшись, по свидетельству летописца, тому, что к ним пришли послы „от честных людей“ и позвали „их к себе на помощь“. 28-го июня того же года волжские казаки Ермак Тимофеевич „Поволской“ с товарищами, „со единомысленною и предоброю дружиною“, числом до 540 чел., прибыли в Чусовские городки и были приняты здесь с большою честью: Строгановы их хорошо одарили, кормили и поили — „и брашны и питии изобильно их наслаждаху“. А за все это казаки в теч. 2 лет и 2 мес. твердо стояли на страже строгановских владений в Пермской земле и бились с инородцами „сурово и немилостиво“ ¹⁾.

К осени 1581 года Строгановы снарядили Ермака с товарищами в Сибирскую экспедицию, присоединив к казакам других своих ратных наемников из литовцев, немцев, татар и русских, всего собрав для этого отдаленного похода до 840 чел.: по крайней мере, такое число показывает Строгановская летопись, которой мы и руководствуемся, как наиболее достоверной; по Есиповской летописи, отряд Ермака состоял из 540 чел.; по Ремезовской, из 5000 чел. Задумав и осуществляя это предприятие при помощи наемников, военных сторожей своих вотчин, Строгановы не превысили данных им царем полномочий: в Западной Сибири им были пожалованы Иваном Грозным земли, находившиеся в руках сибирского царя, или „салатана“, и мы видели, что московский царь в своей жалованной грамоте на эти земли давал Строгановым как бы пропускное свидетельство в Сибирь для агрессивных действий против независимых „Сибирцев“; между тем, когда двинулся Ермак в Сибирь, а на „пермские места“, по его уходе, напал пелымский князь, то царь Иван Васильевич, узнав обо всем этом, сильно разгневался на Строгановых, потребовал, чтобы они выслали казаков, тотчас же в Чердынь, оставив для защиты своих городков не более ста человек, и грозил в противном случае нало-

¹⁾ Сибирская летопись, 14 и 15.

жить на промышленников свою опалу, а атаманов и казаков, которые им служили и его царскую землю выдали, перевешать... Строгановы были в печали и недоумении. Как же так: они за охранение русских границ обладали такими правами, даже подсудны были одному только царю, который им „велел городки ставить и людей воинских прибирать на Сибирского салтана“, говорит летопись, „а ныне его же государев указ“: „не велено отпустить Волских атаманов и казаков, а у них в Сибирь отпущены Ермак с товарищами“? Казаков поздно было ворочать назад; они были уже далеко...

Предприятие, задуманное энергичными Строгановыми, было вполне целесообразно с точки зрения промышленных интересов этого торгового дома. Посылая отряд Ермака в Сибирь, этот „дом“ ничем, в сущности, не рисковал, кроме стоимости экспедиции, а между тем, даже и при неудаче ее, могла быть польза, которая с избытком покрыла бы расходы: как-никак, в пожалованные земли экспедицией проторялся путь, столь необходимый для развития торговых связей с сибирскими народами, связей, суливших Строгановым огромные барыши, при беспрошльном торге с азиатами, который тоже был одною из их привилегий...

И так, самый замысел, инициатива сибирской экспедиции, принадлежит Строгановым; выполнение и план действий—казацкое дело и прежде всего, разумеется, дело вождя отправившегося отряда, „велеумного“ Ермака Тимофеевича. Казаки понимали, что их предприятие серьезное и что без строжайшей дисциплины оно удасться не может, и дисциплина была установлена с общего уговора: так, было решено блудников публично обмывать и затем заковывать на три дня, а непослушных и дезертиров прямо топить. По рекам—по Чусовой и ее притоку Серебряной—плыли до Сибирской дороги, до волока, который отделяет бассейн Камы от Обского; затем волоком дошли до р. Жаровли, перетаскив сюда наиболее легкие лодки и бросив наиболее тяжелые, этой последней речкой, во время половодья, спустились в речку Баранчу, Баранчею в Тагил, которым приплыли в Туру, протекавшую уже по сибирской земле. Так с невероятными трудностями, сражаясь с татарами, добрались казаки до сибирского царства, основанного, по преданиям, монголами еще в XIII ст.—во время походов Чингиз-Хана; здесь на реках — Тоболе, куда казаки приплыли Турой, его притоком, и на Иртыше, куда доплыли Тоболом, притоком этой реки, самого большого притока Оби,—казаков ждали еще более тяжелые испытания, несмотря на их первые победы над татарами.

Неприятель, и после поражения Кучумова сына Маметкула и других князей, был слишком многочислен сравнительно с мало-численным казацким отрядом, в котором уже не было нераненных; мало надежды было также успешно справиться с самим Кучумом, укрепившимся со своими войсками в одной засеке близ городка Атик Мурзы, занятого Ермаком с товарищами. Некоторые из казаков поколебались—было и поставили вопрос о возвращении назад; но в „кругу“ восторжествовало противоположное мнение—идти вперед, мнение людей, подобных их вождю, нечеловеческой выносливости и непоколебимой воли. Начался неравный кровопролитный бой горсти отважных людей с татарскими массами. Тьма стрел полетела в казаков, и храбрейшие из них были быстро переранены. Татары, разломавши в трех местах засеку, бросились из нее в рукопашную; но эта вылазка встретила отчаянное сопротивление казаков, бившихся „крепко“. Сеча была лютая, бились грудь к груди, хватая „друг друга за руки“. Казацкая мощь мало-по—малу начала брать верх. Множество татар пало, и они стали разбегаться; засека была отбита казаками, которые и поспешили водрузить на ней свои знамена.

Сын сибирского „салтана“ Кучума Маметкул был в этой схватке ранен, и татары едва его спасли, увезя на маленькой лодке за Иртыш-реку. Поражение татар было полное. Кучум бежал в свою столицу, город Сибирь на реке Иртыше, захватив отсюда некоторую часть своих сокровищ, и пустился дальше. Город Сибирь опустел, почему и был занят Ермаком с товарищами (26 октября 1582 г.) без нового боя. Здесь казаков ждала лишь добыча: „богатство от золота и серебра“, говорит летописец, „и паволоки золотые, и камение многоценное, и соболина, и кунья, и лисиц драгих вельми множество“. Эту богатую добычу победители, по своему казацкому обычаю, подуванили, т. е. разделили между собой. Вскоре после столь успешного начала покорения Сибири казаки пленили Маметкула и на некоторое время закрепили за собой Сибирское царство взятием „многих городков и улусов татарских по реке Иртышу и по великой Оби“, а также „града остяцкого“ „Нарыма“ вместе с его князем¹⁾.

Давно указано, что своими необыкновенными победами незначительный отряд Ермака, кроме казацких боевых навыков, приобретенных в суровой школе вольницы, обязан огнестрельному оружию. Здесь, в Западной Сибири, в восьмидесятих годах XVI стол. повторялось приблизительно тоже самое, что раньше про-

¹⁾ Сибирская летопись, 33—44.

изошло в средней и южной Америке, где горсть европейцев, с Кортесом, Пизарро, Альмагро во главе, покоряла целые государства—именно благодаря огнестрельному оружию, столь же неизвестному в Мексике, Перу или Чили I-й пол. XVI стол., как и в Сибири последней четверти этого же века.

Покорив Сибирское царство, Ермак сначала не думал о подданстве московскому царю; он уведомил о своих победах „честных людей“, его пославших, — Строгановых, а дань собирал с сибирских инородцев и приводил их в подданство себе; так что некоторое время, с месяц, имел значение нового хана, и уже только тогда, когда выяснилось, что удержаться в Сибири с совсем незначительным количеством оставшихся у него людей совершенно невозможно, Ермак снарядил в Москву к царю посольство, бил ему Сибирским царством, послал дани с его обитателей сибирскими соболями и просил подкрепления, а также и прощения за прежние свои волжские подвиги. Царь был доволен, — тем более, что это известие пришло в самую мрачную годину жизни Ивана Васильевича, когда он незадолго перед тем нечаянно убил своего старшего сына и когда, казалось, не было ни малейшего просвета в мрачной кручине царя, обремененного несчастьями... Вины Ермаку с его товарищами были отданы, и вождю сибирского похода, столь еще недавно вызвавшего царский гнев и на его инициаторов, и на исполнителей, были посланы почетные подарки (Ермаку шуба с царского плеча и две кольчуги) и деньги, равно как и его товарищам.

Вместе с тем были отправлены в Сибирь ратные люди с воеводой Болховским, дабы подкрепить Ермака и принять от него главное управление покоренной страной. Последнее не могло нравиться покорителю Сибири, и он, повидимому, встал в оппозицию к прибывшим ратным людям и не заботился о них до тех пор, пока кн. Болховский не умер от цынги, когда главная власть опять перешла к Ермаку. Положение его было очень трудное: царская помощь была ничтожна, и отряд его таял от голода, цынги, теряя своих членов в борьбе с туземцами, с Кучумом, не оставившим своих надежд на восстановление своего улуса; главные сподвижники покорителя Сибири, в том числе Иван Кольцо, уже сложили там свои кости... Естественным последствием этого положения, наконец, явилась гибель и самого Ермака во время неравной борьбы на громадных пространствах Сибири с окружающими его со всех сторон врагами, вовсе не желавшими столь легко проститься с независимостью своей родины; а последствием

гибели главного вождя был уход из Сибири оставшихся казаков и ратных людей с атаманом Мещеряком и воеводой Глуховым и занятие этого города снова ханом Кучумом. Таким образом, вы видите, что первые покорители Сибири, Ермак и его товарищи благодаря тому, что они не получили серьезных подкреплений от Московского правительства, именно только показали путь туда, за Камень, сыграв тем самым, как бы, роль открывателей новых стран. Действительно, с этого момента Сибирь начинает привлекать к себе внимание не только русских, но и европейцев. Московское правительство, несмотря на потерю Сибири, начинает взирать на эту страну, как на свою собственную область,¹⁾ обещающую ему богатый ясак соболями и другими ценными мехами. Это убеждение, что Сибирь уже покоренная страна, лишь только временно оставленная русскими, в связи с отсутствием страха перед ней, разрушенного удачным набегом Ермака, и было прочным залогом новых походов туда ратных людей и искателей новых земель для промыслов и добычи.

Покорение Сибири Ермаком, сопровождавшееся необыкновенными подвигами его самого и его товарищей, произвело на Русский народ глубокое впечатление, чему красноречивым свидетелем является неподкупная народная песня. Народ не знает Строгановых, как инициаторов сибирского похода, он помнит только Ермака с товарищами и вождю - атаману приписывает призыв к этому предприятию.

Ой, вы, гой еси, атаманы молодцы!

Эй вы, делайте лодочки - коломенки,

Забивайте вы кочета еловые,

Накладайте бабайчики сосновые:

Мы поедемте, братцы, с Божьей помощью,

Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге реке,

Перейдемте мы, братцы, гор - крутые,

Доберемся мы до царства бусурманского,

Завоюем мы царство Сибирское,

Покорим его мы, братцы, царю Белому,

¹⁾ И на это у московского правительства было юридическое основание; правительство имело шертную грамоту татар, остяков и вогуличей сибирских о вечном подданстве их России, приведенных к присяге Ермаком с товарищами. Сверх того, о подданстве Сибири Москве напоминали и новые предложения такового от самих „Сибирцев“: так, в 1599 г. к царю Федору Ивановичу приехал от царя Тевкеля Киргиз-Кайсакой орды посол Кулмагмет и просил принять этого царя в русское подданство и отпустить племянника Ураз-Магмета, захваченного в плен в Сибири (Пуцилло, цитир. „Указатель,“ стран. 4).

А царя-то Кучума в полон возьмем;
И за это-то государь царь нас пожалует;
Я тогда-то пойду сам к Белу царю;
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я царю белому повинную“...

А вот и повинная:

„Я пришел к тебе, Грозный царь,
Со товарищем с Ванькой Каином:
Всех я сиверных стран запечатальник;
Заполонили мы целую Сибирь,
Да пришли к тебе с повинной головой:
Хоть прости, хоть казнить вели“.

Такое мнение народных масс о роли Ермака и его товарищей вполне понятно: народ инстинктивно понимает все великое значение человеческих подвигов, проявления воли и силы в жизни, словом, значение энергичных поступков, направленных к определенной, ясной для него цели, поступков, поражающих воображение и вызывающих подражание. Для того, чтобы осталась за деятелем память в народе, мало быть инициатором и составителем программ, надо самому быть деятелем, не останавливающимся ни пред какими препятствиями, ни пред каким риском и опасностями, при достижении важной, с точки зрения большинства, цели...

Таким и был Ермак с тозарищами, эти признанные народом покорители и герои Сибири.

Если начало покорения Сибири стоило жизни вождю похода и почти всем его товарищам, то оно взяло неизмеримо большее количество жизней у покоряемых „Сибирцев“. Есть известие, что в 1555 г. у сибирского царя Едигера ясашных черных людей было 30.700 чел., а в начале XVII в. в семи уездах Западной Сибири количество ясашных народцев насчитывалось не более 3000 чел. Конечно, числа эти не таковы, чтобы за их верность можно было ручаться; но предположение, на основании их, о том, что пришельцы-казаки не поцеремонились с туземцами, кажется, можно сделать с большею вероятностью: жестокостями же пришельцев можно объяснить ту энергию, с какою туземцы добивались удаления незваных гостей.

Эти гости ушли, а в начале XVII стол. опять пришли и постепенно, в течение 1-ой половины этого века, после упорной борьбы с инородцами, заняли все наиболее удобные и выгодные пункты в Западной Сибири.

Эти новые пришельцы были ратные люди и вольница из казаков, промышленников и вообще „всяких людей“, которых условия жизни толкали к переселению на новые, хотя бы и отдаленные места. В Западной Сибири возникает немало русских городков, острожков и слобод, начиная от Верхотурья и Ирбитской слободы, от самых западных населенных пунктов Сибири и кончая Енисейском, находящимся уже на самом рубеже с Восточной Сибирью. Татарский город Сибирь потерял свое название, но оно распространилось на все завоевания русских в Северной Азии, вместо же татарского города Сибири возник русский Тобольск. Этот город сделался главнейшим пунктом не только Западной, но надолго и всей Сибири. Сюда стекались со всех сторон и товары, и люди, чтобы затем отсюда расходиться во всех направлениях, в том числе в Восточную Сибирь, куда начинается сильное тяготение казаков и промышленников после того, как Западная Сибирь была фактически закреплена за Москвой.

В покорении и закреплении громадных пространств Восточной Сибири продолжали проявляться те же родовые свойства, которые так ярко обнаружились с самого начала покорения Сибири—в предприятии Ермака с товарищами.

Эта первая экспедиция в Сибирь явилась как бы образцом для последующих. Оставив глубокий след в героических воспоминаниях русского народа, она, несомненно, волновала сильных, отважных людей и вызывала их на подражание первому „свердловских стран запечатальнику“. Все эти люди, при разнообразии их личных свойств, имеют между собой нечто общее, присущее всем им, родовое. Все они прирожденные бродяги, с ненасытной жаждой безконечного передвижения, все на новые и новые места, дабы найти там зверя и людей, поживиться от них и идти дальше, хотя бы на край света, с поисками „новых земель“... Через вековую мглу глядит на нас этот удивительный образ русского „землепроходца“, промысловщика-казака и служилого человека, сурового, беспощадного и алчного, но и безконечно выносливого, стойкого и отважного, не останавливающегося ни пред подавляющими пространствами, ни пред негостеприимной природой, ни пред тысячей неизвестных, но верных опасностей в отдаленных странах при встрече с воинственными туземцами. Эти-то родовые свойства покорителей Сибири в значительной степени и уясняют нам, почему им, не смотря на до комизма малое их число, удалось в сравнительно небольшой период времени, меньше столетия, и с ничтожными материальными средствами „заполнить целую

Сибирь“, пройти и после упорной борьбы закрепить за Москвой величайшие пространства „землиц“ от Уральского хребта до Великого океана и от Студеного моря до Китайских границ.

Это, впрочем, те самые свойства, блистательно проявляемые и в нынешней великой борьбе, которыми создавалось русское государство и которые, вытекая из физической и духовной мощи русского народа, в своей совокупности и представляют его большую общественно-созидательную и организаторскую способность, внушающую даже скептикам веру в его лучшее будущее.

III.

В восточную Сибирь русские проникли и там в некоторых пунктах утвердились еще в первой половине XVII столетия.

Привода инородцев „под высокую руку великого государя“, русские первым своим делом по отношению к ним считали сбор с них ясака, т. е. приведение их в финансовую зависимость от московского царства и его слуг.

Финансовое управление инородцами велось из укрепленных городков или острогов, которые к тому же служили опорными базами для дальнейшего движения в разных направлениях. Около середины XVII века главными операционными базами русской колонизации в северо-восточной Азии были города Якутск и Енисейск. Все далее и далее на северо-восток русские двигались главным образом из Якутска. В 40-х годах XVII века они добрались до реки Колымы, не оставив намерения идти еще дальше.

В 1648 году служилый человек Семен Дежнев двинулся на судах из устья реки Колымы, впадающей в Северно-Ледовитый океан. Цель этой морской экспедиции прежняя — поиски новых земель и новых ясачников. Экспедиция оказалась весьма опасной и трудной. Надо удивляться, как не погибли эти смельчаки, пустившиеся в неизвестный путь по северному океану на утлых своих суденышках, без компаса, без морских знаний, без запасов провианта и одежды, в холодное и бурное время года. Много невзгод натерпелся Дежнев с товарищами в океане. Ледяными ветрами гнало их куда-то вдаль. Долго носились они по морю... Наконец, выбросило их на берег. Что же это за берег? „Носило меня“, сообщал потом Дежнев, „по морю после Покрова Богородицы всюду неволею и выбросило на берег в передний конец, за Анадыр-реку“. Вот какой берег — восточный берег Азии; а Дежнев отправился вдоль северного берега: значит, он обогнул, сам того

не подозревая, северо-восточную оконечность Азии, открыв пролив, названный потом по имени более счастливого мореплавателя, раньше Беринга разрешил незаданную ему, Дежневу, географическую задачу о том, соединяется или нет Азия с Америкой. Что же предприняли выброшенные бурей на берег Дежнев и его спутники?

Пусть нам расскажет об этом сам начальник экспедиции. „Было нас“, говорит Дежнев, „на 25 человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны¹⁾ и голодны, наги и босы, и шел я, бедный Семейка с товарищами до Анадыря реки ровно 10 недель и попали на Анадырь реку внизу, близко моря“. Здесь Дежневу и его спутникам пришлось тоже и голодать, и холодать: „рыбы“, говорит Дежнев, „добыть не могли, лесу нет, а с голоду мы, бедные, врознь разбежались. Осталось нас от 25 человек всего 12 человек“. Эта дюжина однако не потерялась. Дежнев с товарищами построили себе суда и на них поплыли вверх по Анадырю и шли „до анаульских людей, взяли два человека за боем и ясак с ними взяли“. Но до анаульских людей оказались и другие охотники. Таков другой Семен, по прозвищу Мотора, отправившийся сюда из Якутска по своей и своих товарищей инициативе и добравшийся до „захребетной реки“ сухопутно. С ним Дежнев начал действовать сообща; но зато вступил в конфликт с третьим „землепроходцем“ в этих местах, со Стадухиным, раньше Дежнева, в 1644 году, открывшим реку Колыму шедшим за означенными двумя Семенами и вымогавшим ясак с тех инородцев, которые заплатили его Дежневу. „Ты делаешь негораздо“, сказал однажды Дежнев Стадухину, „побиваешь иноземцев без разбору“. Но Стадухин был, особого на этот счет мнения, и в конце концов пострадать пришлось не только „иноземцам“, но и Дежневу. Соболи, принесенные последнему „иноземцами“, вызвали такой прилив алчности в Стадухине, что он бросился на Дежнева, вырвал у него из рук богатую добычу, а самого его отхлестал по щекам. Так русские люди ссорились в XVII стол. на дальнем северо-востоке Азии из-за ясака, из-за эксплуатации инородческого труда и через то ослабляли свои незначительные количеством силы в тех местах... Рассказанное столкновение с соотечественником заставило Дежнева действовать совершенно отдельно от Стадухина. В 1652 году Дежнев снова предпринял морское путешествие, на этот раз из устья Анадыря,

¹⁾ На северо-востоке Сибири мороз достигает 65°; здесь самая холодная зима на земном шаре.

впадающего в Великий океан. Моржовый промысел увлек Дежнева с товарищами до „Каменного носа“ и до живущих на нем чукчей; этих инородцев было, по сообщению Дежнева, много, а „против носу“, прибавляет Дежнев, „на островах живут люди, называют их зубастыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных“.

Занимаясь на Анадыре моржевым промыслом, Дежнев с товарищами не пренебрегал охотой и на людей, на коряков. „Мы на них ходили“, рассказывает этот пионер, „но нашли их 14 юрт в крепком острожке. Бог нам помог, тех людей разгромили всех, жен и детей у них взяли, но сами они ушли, а лучшие мужики увели и жен с детьми, потому что они люди многие, юрты у них большие, в одной юрте у них живет семей по десяти, а мы были люди невелики, всех нас было двенадцать человек“. Таким ничтожным количеством русских „землепроходцев“, воителей и добычников, конечно, нельзя было удержать край за „великим государем“, — и вот из Якутска посылается на Анадыр стрелецкий сотник нарочито для укрепления здесь русской власти и для более правильного регулирования, как промышленной деятельности русских людей, так и их отношения к интересам государственной казны. И здесь мы видим то же самое явление, какое было отмечено выше: за частными лицами, за охотниками — землепроходцами, число коих, разумеется, сильно редело в тяжелых странствиях, в богатырской борьбе с суровой природой и туземцами движется и государственная власть с ее более определенными требованиями.

Однако, тот порядок, аналогичный с порядком в колониях других народов, который водворялся в „новых землях“, был, видимо, очень не по душе старым владельцам этих „землиц“. Всюду возникали восстания, и русские люди, вследствие малочисленности, с трудом удерживались в своих острожках на Яне, Индигирке, Анадыре. Немало хлопот вызвали отношения к инородцам, жившим по Охотскому побережью, куда русские добрались почти в то же время, как и до реки Анадыра, куда как известно, попали два Семена — Дежнев и Мотора; третий Семен, по прозвищу Шелковников, в 1647 году прибыл с отрядом на р. Улью и из ее устья морем дошел до устья Охоты. Здесь пришлось биться с большой толпой тунгусов, и только после победы над ними можно было поставить острог; но этот опорный пункт русских на р. Охоте сейчас же и сделался целью постоянных и настоячивых тунгусских нападений, которые, несмотря на приход нового

русского отряда на помощь осажденным, закончились взятием острога. Тунгусы сожгли его, освободили заложников и прогнали пришельцев, заявивших в Якутске, что „жить на Охоте от иноземцев не под силу“.

Тем не менее из Якутска двинулся новый отряд русских, на Охоте возник новый русский острожек; сверх того, русские взяли тунгусский острожек, и таким образом тунгусы на р. Охоте и в окрестностях ее были подведены „под высокую руку великого государя“, каковое обстоятельство было закреплено взятием, в качестве заложника (аманата), главного тунгусского патриота, организовавшего вооруженное сопротивление незванным гостям. Однако борьба с тунгусами не прекратилась. В 1665 г. организовано было восстание против русских, и жертвою его были 50 человек служилых и промышленных людей, отправленных начальником острога Федором Пушным к неясачным тунгусам для приведения их в ясачное состояние „не жесточью“, а миролюбиво. Посланные все были перебиты ясачными тунгусами, предводительствуемыми лучшим человеком их земли Зелемеем, который, раньше сообщив русским об агитации неясачных среди них и о вызванном этою агитацией брожении, этим самым и вовлек русских в хитро устроенную им ловушку. Как рассказывают, Зелемей преподавал ясачным соотечественникам следующие основные начала той политики, которой, по его мнению, следовало придерживаться по отношению к русским: „Что вы, глупые люди“, говорил Зелемей, „не разумеете, русских переводов не знаете, вы бы так же жили, как я, Зелемей, живу; самим вам известно, сколько я русских людей побил, а как увижу над собой силу, то я русским людям приклонюся, и до меня, в ваших глазах, русские люди лучше прежнего. Да, русские люди нас обманывают, говорят нам и ждут к себе в охотский острог на перемену по все годы больших людей, и больших людей в остроге не бывало; а пока большие люди не пришли, мы и остальных выкореним, и аманатов своих выручим, а потом, в то время как русские люди на Охоту приходят, на дорогах заляжем и больших людей не пропустим“. По истреблении русских людей „на Охоте“, Зелемей проектировал истребить их на „Мае и по иным рекам“, а в перспективе его воображению рисовалось китайское подданство, как менее обременительное для тунгусского народа. „А впредь“, говорил он, „для обережения и безопасности призовем к себе китайских людей, потому что они от нас недалеко, ясак им станем платить небольшой, по своим долям; а не так, как теперь на нас спраши-

вают ясаков за прошлые годы, о которых мы многие челобитные виликим государям писали, но льготы себе никакой не получили и указу о том никакого не было“.

Лишь благодаря энергичным распоряжениям Федора Пущина, начавшееся тунгусское восстание не приняло больших размеров... Тунгусы повинились перед представителем русской власти в своей измене, при чем, впрочем, заявили, что они задумали „воровство“ потому, что не могли вынести притеснений русских служилых людей.

Таков общий характер нашего движения в северо-восточной Азии к берегам Великого океана и Охотского моря. Но не сюда только стремились русские люди в XVII столетии.

Еще с начала 30-х годов открылось движение русских и на юг, в землю Бурят, к Байкалу. Буряты стойко отстаивали свою родину и свободу, и борьба с ними была продолжительна и упорна. Она направлялась из Якутска, Илимска, Красноярска и в особенности из Енисейска. В земле Бурят строились остроги, которые иногда являлись довольно подвижными, переносились, в зависимости от обстоятельств, с одного места на другое: таковы остроги—Братский (1631 г., 1648 г.), Верхоленьский или Верхоленьск (1641 г., 1647 г.), Вархангарский (1647 г.), Балаганский (1654 г.). Эти остроги были передовыми русскими форпостами, опорными пунктами русской власти в крае; отсюда происходил сбор ясака с побежденных; но и последние, при первом удобном случае, нападали на пришельцев, стараясь выжить их из своей земли, а остроги их уничтожить. Возможность таковая иногда возникала: остроги разорялись туземцами, тем более, что и самые вторжения в якутскую [землю не всегда кончались победоносно. Бывало, что вслед за удачным] налетом какого-нибудь боярского сына, пришедшего в бурятский „улус в такое время, когда мужчин не было дома“ и когда „подлинно не много труда стоило побрать в плен“, счастье изменяло воителю. Так, напр., боярский сын Бедарев, во второй поход в бурятскую землю, в начале тоже удачный, попал в беду и едва оттуда унес ноги со своими товарищами, когда бурят мужчин „собралось до тысячи“ против 136 человек частью казаков, частью промышленников и когда туземцы преследовали пришельцев „с утра до самого вечера“ (1646 г.). Но бывало и хуже: буряты истребляли целые казачьи партии, а построенные русскими остроги разоряли; тогда приходилось посылать новую партию, которая, беря верх над бурятами, ставила новый острог и таким образом восстанавливала русское владычество в крае.

Трудность удержания за собой занятых земель, помимо других причин, зависела и от того, что наши отважные пионеры — землепроходы сами же и разрушали или, по крайней мере, портили дело своих рук. Беда заключалась в том, что эти руки были слишком неразборчивы и слишком привыкли брать: ясак с бурят требовался так, что не успеют буряты заплатить одному атаману, как является другой и тоже желает получить ясак все тому же „великому государю“. Столь упрощенная система обирания показала бурятам обидной, и они, сначала было согласившись платить ясак московскому царю, затем отказались от несколько обременительного подданства и выставили пришельцам вооруженное сопротивление. Негодование бурят на русское финансовое управление донеслось до нас в следующих выражениях: „Что это?“ пояснили возмущившиеся свой протест. „От одного государя приходят к нам двойные люди? Одни из Верхолenska берут с нас ясак на государя, а другие от того же государя приходят на нас войною, бьют, жен и детей в плен берут, скот и лошадей отгоняют: как же нам под государевой рукой быть?“ Вот в чем заключалась главная причина частых бурятских восстаний против пришельцев, направлявшихся к Байкалу. Первый, двинувшийся туда был казацкий пятидесятник Курбат-Иванов, отправленный из Якутска; вторая и последующие экспедиции снаряжались из Енисейска¹⁾. Сначала в этом направлении енисейским воеводой Афанасием Пашковым был послан атаман Василий Колесников с сотней казаков произвести разведки „про озеро Байкал и про серебряную руду“.

Этот атаман явился ближайшим виновником бурятского восстания и продолжительной борьбы русских с этим народом.

Численное превосходство было на стороне бурят, но у русских было преимущество боевого закала и вооружения, главным образом, преимущество „огненного боя“, благодаря которому буряты в 1655 году были замирены и приведены в подданство Москвы.

Что же касается Колесникова, то лично ему борьба с бурятами не помешала наложить ясак на тунгусов, живших в Байкальском крае; этот „землепроходец“ вернулся в Енисейск еще в 1647 году и, разумеется, аттестовал себя здесь не виновником бурятского восстания, подлежащего еще подавлению, а удачливым разведчиком и покорителем Байкаля, пионером, прекрасно исполнившим свою миссию; енисейским воеводам Колесников предста-

1) „Сибирская история“ Фишера, С.-Петербург, 1775 г., 571 и 548 и след.

вил ясак с байкальской земли—„меха ценою на тысячу рублей“— и сделал сообщение не об одной серебряной, но и о золотой руде.

Для разведок о первой Колесников, по его сообщению, посылал четырех казаков с проводниками тунгусами, и этот небольшой отряд пробрался в Монголию, где от одного князька и узнал, что золотая и серебряная руда действительно есть и недалеко, но не у него, князя Турукая, а у богдыцаря в Китае; он же, Турукай, получает золото и серебро оттуда, из Китая. Этот монгольский князь Турукай, по донесению Колесникова, обещался быть в послушании у „великого государя“ и послать ему „кусочек золота“ весом в четыре золотника, да „чашку и тарелку серебряные“. Золото и серебро, очевидно, было близко к Турукаю, и вот в Байкальский край, вслед за атаманом Колесниковым, двигаются другие „искатели“, боярские дети Иван Похабов, Иван Галкин, Петр Бекетов, поощряемые этою новою перспективою найти в новых землях не одни меха, но и серебро и золото.

Постепенно занимая край, закладывая в нем острожки, между ними выдвинувшийся далеко вперед Нерчинский (1658 г.), русские закрепляют его за собой построением в 1661 году Иркутска— „у Ангары, напротив устья реки Иркут“. Это дело связывается с именем тоже прославившегося своими насилиями над бурятами и когда-то посаженного за это в Енисейске даже „под караул“ — Ивана Похабова, затем опять употреблявшегося в службы и основанием (по приказанию Енисейского воеводы Ивана Ржевского) Иркутского острога (закладка которого долго не удавалась) купившего свои прежние вины.

IV.

Еще более заманчивым казался русским соседний с Байкальским Амурский край. Насколько сильно было тяготение русских людей в этот край, видно и из того, что оно оставило след в народной поэзии. В одной народной песне изображается, как товарищи Стеньки Разина, похоронив своего атамана в Дунае-реке,

*„На Амур пошли думу думати,
У Амур-реки крута гора,
Крута гора, высокая:
На той горе распрощались,
Друг другу поклонились“.*

Историческое движение на Амур началось еще в 1643-ем году из Якутска. Привлекаемый вестями о хлебных и минераль-

ных богатствах Приамурья, якутский воевода Головин снарядил на юг экспедицию в 133 человека под начальством письменного головы Пояркова. Экспедиция должна была отправиться на реку Зию и Шилку „для государева ясачного сбору, для прииска вновь неясачных людей, серебряной, медной и свинцовой руды и для хлеба“.

По рекам Лене и Алдану добралась экспедиция до волока в Зию, которым перешла в эту последнюю, а по ней в Амур, принятый Поярковым за Шилку; проплыв до устья Амура, Поярков со своими товарищами здесь зазимовал, а летом направился обратно, в Якутск, но уже другой дорогой: сначала морем до устья р. Ульи, потом этой рекой, затем волоком к Маю и, наконец, от устья Май вверх по Алдану и вниз по Лене до Якутска. Немного людей вернулось с Поярковым в Якутск; но за то этот „землепроходец“ привез большой ясак соболями и еще более обещаний будущих выгод от занятия русскими Амурского края. Указав якутским воеводам пункты, где, по его соображениям, следовало поставить острожки, т. е. укрепиться, Поярков объяснил: „там в походы ходить и пашенных хлебных сидячих людей под царскую высокую руку привести можно, и в вечном холопстве укрепить, и ясак с них собирать, в том государю будет многая прибыль, потому что те земли людны, хлебны и собольны, и всякого зверя много и хлеба родится много, и те реки рыбны, и государевым ратным людям хлебной скудости ни в чем не будет“. Поход Пояркова был очень труден для его дружины, потерявшей из своего состава 80 человек, причем только 25 человек было убито инородцами, а остальные погибли в „хлебной“ стране от голода; голод был крайне злой, и сам начальник отряда Поярков, по рассказу участников экспедиции, сделал со своей стороны все, чтобы довести их до людоедства. Поярков, будто бы, „пограбил“ у своих спутников и подчиненных „хлебные запасы, велел им идти есть убитых инородцев, и служилые люди, не желая напрасною смертью помереть, с'ели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые с голода померли, приехали человек с пятьдесят“, и т. под.

Экспедиция Пояркова не осталась без влияния на последующие события. Несмотря на рассказы спутников Пояркова об ужасных подробностях экспедиции, сообщения самого ее предводителя о приволье Амурского края *) возбудили аппетиты.

В 1649 году занимавшийся оптовою торговлею Ерофей Павлович Хабаров, родом из города Устюга, испросив разрешение,

*) Или „Пегей орды“, как тогда русские называли этот край.

на свой счет и с некоторой правительственной субсидией снарядил экспедицию из 70 человек служилых и просто промышленных людей и двинулся на Амур из Якутска новым путем—рекою Олекмою, притоком Лены, и потом Тунгиром, притоком Олекмы, из Тунгира волоком в реку Урку, приток Амура. Плывя вниз по Амуру, экспедиция прошла мимо двух городов, оставленных жителями, и в третьем городе, тоже пустом, остановились на отдых. Здесь к Хабарову явилось несколько человек туземцев. Чрез толмача русские узнали, что это сам местный князь Лавкай с тремя родственниками и холопом. Русские стали было уверять князя Лавкай в том, что они пришли в их землю для торговли, а им, владельцам земли, привезли подарков много. Но князь Лавкай оказался человеком, уже изведавшим на опыте русскую торговлю в этих местах...

„Что ты обманываешь?“ — отрезал он, — „мы вас, казаков, знаем; прежде вас был у нас казак Квашнин и сказал про вас, что идет вас пятьсот человек, а за вами идет еще много людей, хотите всех нас побить и имение наше пограбить, жен и детей в полон взять; поэтому мы и разбежались“.

Дальнейшие уговоры Лавкай давать ясак великому государю не привели ни к чему, и амурский князь, заявив „еще посмотрим, что за люди!“ удалился вместе со своими спутниками, и более экспедиция их не видала. Она двинулась дальше по Амуру и видела еще два пустых города, а затем вернулась назад к первому городу. Оставив здесь часть своего отряда, Хабаров с остальными своими людьми вернулся в Якутск в мае 1650 г., подтвердив прежние рассказы о богатствах осмотренной им страны: и рыбы в великой реке Амуре много, гораздо больше, чем в Волге, и хлеба всякого вдоволь и, вообще, Даурская земля куда лучше Лены, да и со всей Сибирью ту землю не сравнишь — „место будет украшено и прибыльно“; „если даурские князьки“, говорил Хабаров, „государю покорятся, прибыль будет большая“. Эти сообщения Хабарова имели успех. Из 170 охотников составил новый отряд для похода в места украшенные и прибыльные. К этому отряду якутский воевода присоединил еще 20 казаков, и вот в 1650 году Хабаров с таким, тоже ничтожным, количеством людей и с тремя пушками двинулся на Амур, в Даурскую землю. На этот раз Хабаров встретил здесь упорное сопротивление не только от местного населения, но и со стороны китайцев, в зависимости от которых находился Амурский край.

По занятии русскими оставленного даурами городка Албазина Хабаров потребовал от одного из местных князьков ясака великому государю, но получил от него весьма резкий отказ. „Даем мы“, сказал князек, „ясак богдойскому (т. е. китайскому) царю, а вам какой ясак у нас? Хотите ясака, что мы бросаем последним своим ребятам?“

Началась борьба. Городок, в котором засел этот смелый князь, после отчаянного сопротивления был взят русскими штурмом, причем дауров было убито более 600 человек, а русских пало четверо, да 45 человек было ранено. „Те свирепые дауры“, говорит Хабаров, „не могли стоять против государевой грозы и нашего бою“. Но затем русским пришлось и самим выдержать серьезную осаду в Анчанском городке, построенном ими для зимовки. Сначала этот городок осадили местные инородцы—дучары и анчанцы. С ними осажденные справились довольно быстро: приступы их были отбиты. Это было однако лишь началом испытаний. В 1652 году на защиту Амурского края от пришельцев явилось китайское войско, посланное из Манчжурии наместником этой области Небесной Империи. Если русским сравнительно легко было справляться с туземцами, не имевшими огнестрельного оружия, то с манчжурами предстояло гордаздо более трудное дело: у них были ружья и пушки. 24 марта на утренней заре начался страшный и неравный бой горсти русских людей с подавляющей „богдойской силой“. Об этом бое нам сообщает сам Хабаров языком поэтического сказания. Повидимому, русские крепко спали на заре и были застигнуты врасплох. Казачий есаул Андрей Иванов закричал в город: „братцы, казаки, ставайте наскоре и облокайтесь в куюки крепкие!“ Казаки в одних рубашках бросились на городскую стену, но в этот момент по городу началась пальба из ружей и пушек; казаки ответили тем же и „дрались из за стены от зари до схода солнца“. Штурмуя городок, китайцы пробили в стене брешь: „сверху до низу“, сообщает Хабаров, „богдайские люди вырубили три звена стены“.

Только слышат казаки, что предводитель китайского войска приказал брать казаков „живьем“, и сейчас же решают живыми китайцам не сдаваться. И казаки, и служилые, и вольные люди облеклись в куюки, помолились Спасу, Пречистой Богородице и Николаю угоднику, простились друг с другом, причем все—и начальник отряда Хабаров, и есаул Андрей Иванов, и все казаки—говорили друг другу: „умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную и постоим за дом Спаса и Пречистой и Николы Чудотворца,

и порадеем мы казаки государю и великому князю Алексею Михайловичу всея России и помрем мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы в руки им, богдайским людям, не дадимся". Китайцы кинулись на приступ, стремясь чрез брешь в стене проникнуть в город, но русские успели в проломе поставить большую медную пушку и ударить из нея в густые наступающие толпы; вместе с тем энергично начали стрелять по китайцам из остальных пушек, да и ружей. Много полегло тут манчжуров. Не выдержав сильного огня русских, они дрогнули и бросились назад, — „отметнулись от пролома прочь“, но им русские не дали опомниться от неудачи штурма. „Служилые люди и охочие вольные казаки“ в количестве 150, в куюках (50 человек было оставлено в городке), сделав вылазку, пошли в рукопашную, отбили у врага две пушки и, положив многих манчжуров на месте, остальных обратили в бегство: „и нападе на них“, рассказывает Хабаров, „страх великий, покажись им сила наша несчетная и все достальные богдаевы люди из города и из нашего бою побежали врознь“. Победителям достались и ружья, коими были вооружены лучшие, погибшие в резне, ратники китайского войска. После битвы русские стали „смекать, что побито“. Насчитали 676 манчжурских трупов и 10 своих; переранено русских было 78 человек.

Несмотря однако на эту победу, Хабаров не нашел возможным, при столь незначительном количестве отряда, удержаться в крае и, оставив Анчанский городок, двинулся на судах вверх по Амуру.

Встреченное Хабаровым подкрепление в виде небольшого казацкого отряда, посланное из Якутска, было недостаточно, чтобы повернуть назад для новой попытки утвердиться в покинутых местах. Сверх того, началось разногласие в самой хабаровской дружине. В устье реки Зии Хабаров предложил своему войску вопрос: где бы город поставить? Большинство ответило: „где будет годно и где бы государю прибыль учинить, тут и город станем делать“.

Но часть казаков, свыше 100 человек, решила лучше похлопотать не о государевых, а о своих выгодах; они отказались повиноваться Хабарову, овладели тремя судами с государственной казной, т. е. собранным ясаком, пушками, свинцом, порохом и куюками, и двинулись вниз по Амуру, предварительно освободившись от лишнего груза; при этом одну пушку бросили на берег, другую в воду, часть казны и боевых припасов покидали в воду же. Цель их отдельных операций была чисто разбойничья: добыть побольше себе зипунов и пожитков.

Прибрежным инородцам от этой шайки пришлось, конечно, плохо; но вместе с тем она совершенно дискредитировала русскую власть в крае. После подвигов этой шайки к Хабарову, простоявшему в устье Зии 6 месяцев, не шли даже те инородцы, заложники коих находились в его отряде: „вы все обманываете“, говорили инородцы, приглашаемые Хабаровым в русский стан, „и теперь ваши люди поплыли вниз и нашу землю грабят“. Хабарову ничего не оставалось, как уведомить якутских воевод о „воровстве“, происшедшем в его войске и значительно его ослабившем, а также и о невозможности удержать землю с тем количеством его отряда, которое у него осталось: у него было 212 человек. „Воры“, доносил Хабаров, „государевой службы поруху учинили, иноверцев отогнали и землю смяли“. Но и сойти с Амура без дальнейших распоряжений свыше Хабаров не решался и ждал ответа на свои донесения. Лишь в следующем, 1654 году, прибыл на Амур дворянин Зиновьев и привез Хабарову и его дружине государево денежное жалованье. Хабаров поблагодарил за золотые ясаком, а затем вместе с Зиновьевым уехал в Москву. Хабаровский отряд был оставлен на Амуре.

Начальником этого отряда был назначен Онуфрий Степанов, объявленный „приказным человеком великой реки Амура новой даурской земли“. Ясно, что московское правительство было склонно считать занятый „землепроходцами“ Амурский край своею собственною территорией. Но, к сожалению, это отношение русской власти к Даурии встретилось с таким же отношением к ней со стороны китайской власти, издавна считавшей Поамурье своей землей. И вот снова начинается неравная и упорная борьба горсти русских храбрецов с многочисленными китайскими ратями. Положение Степанова осложнялось еще необычайною трудностью добывать хлеб для своей дружины. Там, где стоял Степанов, не было хлеба, да не было и удобного места для зимовки, ибо в верхнем течении Амура не было леса. Хлеб нашли на притоке Амура Шингале (Сунгари), а зимовали еще ниже на Амуре, в земле дучаров, с коих не преминули собрать и ясак.

Прошла зима. Летом снова отправились за хлебом на Шингал, но были встречены целым флотом китайских стругов, который загородил русским дорогу. Произошел бой. Начало его было удачно для Степанова. Хотя со стругов палили из пушек, неприятель с них был выбит на берег. Но на берегу китайцы укрепились, и попытки русских взять их позицию приступом кончились полной неудачей. Отряду Степанова пришлось без хлеба двинуться

вверх по Амуру. На этот раз русские остановились и построили острожек в устье реки Комары. Но и здесь китайцы не оставили их в покое. 13 марта 1655 года 10,000 китайского войска осадило русский острожек, а 24-го того же месяца пошло на штурм со всевозможными „приступными мудростями“ (с деревянными, обитыми кожей, щитами, лестницами, железными баграми). Русские не только отбили приступ, но и захватили „приступные мудрости“; столь же безуспешна была и бомбардировка острожка из пушек, производившаяся и днем, и ночью — до 4-го апреля, когда, наконец, китайцы сняли осаду и удалились ни с чем. Русские завоевали себе хлеб. Путь вниз по Амуру и на Шингал был открыт, и туда снова возникло движение русских, но... скоро оно оказалось бесцельным. Богдыхан свел все население с Амура и Шингала. Степанов, спустившись к хлебным местам, нашел здесь... пустыню: здесь не было уже людей, не было и хлеба.

Положение Степанова с товарищами сделалось крайне тяжелым: землепроходцы „оголодали и оскудали, питались травой и кореньями и ждали... государева указа“. Таким образом, перспектива столь заманчивая для Москвы, — пожинать там, где она не сеяла, воспользовавшись трудами преимущественно „охочих людей“, стала заволакиваться темными тучами... Надо было подумать о мирном договоре с китайцами. В Пекин был отправлен из Тобольска боярский сын Байков с грамотой и с подарками богдыхану, но из этой попытки задобрить китайское правительство ничего не вышло, и борьба продолжалась. Теперь она сделалась роковой для Степанова с товарищами. В 1658 году ниже Шингала на Амуре отряд Степанова был разбит китайцами на голову, и в бою погибли сам предводитель и 270 его сподвижников казаков; 227 чел. из его отряда спаслись, но не спасли государевой соболонной казны, попавшей китайцам в качестве военного трофея.

Так стремление русских утвердиться на лучших местах Амура, т. е. на среднем, а тем более на нижнем течении этой реки, не увенчалось успехом. В руках русских осталось лишь верхнее ее течение с городом Албазиным, раньше покинутым русскими (когда еще можно было надеяться на захват лучших „землиц“), а потом снова занятым (когда надежда на лучшие приобретения сильно потускнела от дыма китайских пушек). Из Албазина теперь и приходилось искать ясака на инородцах и ведаться с китайцами.

В конце царствования Алексея Михайловича был отправлен новый посол к богдыхану, именно переводчик посольского приказа грек Николай Гаврилович Спафарий; но так же, как и Бай-

ков, встретившись с непреодолимостью китайского этикета, этот посол более рассуждал о способах сношения с богдыханом, чем о деле, и не достиг ничего утешительного для московского правительства. Естественно, что московский служилый иноземец остался недоволен китайцами и в Москве выдал им суровую атгестацию. „В торгу“, рассказывал Спафарий, „таких лукавых людей на всем свете нет, и нигде не найдем таких воров: если не побережься, то и пуговицы от платья обрежут“.

Борьба продолжалась.

Утвердившись в Албазине, русские начали строить новые городки по Амуру, продолжая заниматься и промыслами, и „примучиваньем“ инородцев в этих местах. Китайцы протестовали. Толбузину была послана нота с требованием не ходить вниз по Амуру: „пусть“, говорилось здесь, „русские промышляют соболей и других зверей в своих местах около Нерчинска“. Эта нота успеха не имела, а значительное китайское войско, отправленное после того, имело крупный успех. Албазин был взят китайцами, причем Толбузин с товарищами был отпущен домой по особому договору, а самый город был уничтожен. Прогнав русских с Амура, китайцы быстро удалились, не сняв даже русского хлеба под Албазиним. Но от русских „землепроходцев“ нельзя было так скоро отделаться.

Нерчинский воевода Власов послал под Албазин того же Толбузина с его казаками снять хлеб, да кстати поставить новый острог или город в удобном месте на Амуре, еще пониже прежнего Албазина, „чтоб неприятелю было не в уступку“. Толбузин выполнил оба поручения, но только не стал строить нового города, а просто восстановил Албазин. Это, ведь, тоже было „не в уступку неприятелю“.

Едва русские успели в июне 1686 года закончить построение Албазина, как в июле того же года под него снова пришло китайское пятитысячное войско с 40 пушками и начало бомбардировку города, гарнизон которого не превышал 1000 человек.

Воевода Толбузин пал, смертельно раненый ядром, и город Албазин, вероятно, постигла бы прежняя участь, а молодцов-защитников еще худшая, если бы китайцы не узнали, что против них идет русское войско, посланное на китайскую границу из Москвы под начальством окольного Головина. Последнему было поручено явиться пред китайцами — и в качестве великого посла от московского государя для заключения мира с богдыханом. Получив известие о приближении Головина, повелитель Небесной Империи приказал китайскому войску снять осаду Албазина...

В августе 1689 года под Нерчинском начались мирные переговоры между Головиным и китайскими великими послами, двое из которых оказались замаскированными по китайски, отцами иезуитами, состоявшими на службе у богдыхана. Долго препирались стороны из-за границы. Головину было разрешено делать большие уступки, „лишь войны и кровопролития не начинать, кроме самой явной от них недружбы и наглого наступления“, но все-таки было приказано прежде всего настаивать на том, чтобы границей между Россией и Китаем „была написана река Амур“. Китайцы отнюдь на это не соглашались, говоря, что русские по реку Амур никогда не владели, что здесь, на Амуре, китайская земля, куда, де, пришли русские казаки Хабаров с товарищами, построили Албазин и много делали китайским ясачным людям нестерпимого насилия, а между тем река Амур находится во владении богдыхана от самых времен Александра Македонского. Головин забраковал ссылку на Александра Македонского, ибо, по его мнению, „об этом хрониками разыскивать долго“; он, Головин, одно хорошо знает, что после Александра Македонского „многие земли разделились под державы многих государств“. Китайские уполномоченные, видя, что ссылка на Александра Македонского не понравилась русскому послу, на ней более не настаивали, но зато упрямо стояли на том, что границей между Россией и Китаем должен быть Байкал. В конце — концов китайцы кое-что уступили, а Головин был принужден уступить много, ибо у китайцев, грозивших войной, нашлись союзники в лице якутов и онкогов, изменивших московскому царю и перешедших на сторону богдыхана. Боясь, как бы не изменили и тунгусы, Головин согласился признать границей реку Аргунь, между Нерчинским краем и китайскими владениями, и р. Горбицу, впадающую в Шилку, а город Албазин разорить; это и было постановлено, причем на восток от верховьев Горбицы граница была определена „каменными горами“, Яблоновым хребтом — до моря, немного южнее реки Уди. Так печально завершилась сделанная русскими в XVII стол. попытка утвердиться, ради промыслов и ясака, в приамурском крае, попытка, начатая промышленно-казацкими дружинами, но продолженная и московским правительством. Изобильная и столь желанная „землепроходцам“ и Москве „Даурская земля“ в исходе XVII стол. оказалась отгороженной от России „каменными горами“. Но „место украшено и прибыльно“, как аттестовал Поамурье Хабаров, было слишком заманчиво, слишком представлялось обетованной страной искателям „новых земель“ и эксплуатации инородческого труда, чтобы они, а за ними и Россия, могли отказаться от него навсегда.

Предыдущее изложение, кажется, достаточно, чтобы уяснить себе общий характер тех большею частью вольных экспедиций, результатом которых были географические открытия и приобретения в Восточной Сибири. Длинный ряд этих экспедиций (из коих были указаны только важнейшие) завершился в XV стол. тем, что в 1696—97 г.г. казак Владимир Атласов открыл и завоевал Камчатку, на которую много раньше судьба забросила товарища Дежнева по его северо-восточному путешествию — казака Алексеева, здесь погибшего. Теперь Атласов закрепил за русскою властью Камчатку построением в ней острога на р. Камчатке.

Всеми этими экспедициями, начиная с сибирского похода Ермака Тимофеевича, продолжая многочисленными походами в течение всего XVII стол. и кончая только что отмеченным походом казака Атласова в Камчатку, были очерчены границы сибирских владений московского царя.

Мы видели, что эти предприятия против сибирских народов, вчиняемые по частной инициативе, затем, за малочисленностью „землепроходцев“, связывались с интересами „великого государя“, на имя которого и укреплялись занятые земли... Если интересы этого государя хорошо понимали „охочие люди“, то сам он понимал их еще лучше, почему не только не отказывал „землепроходцам“ в принятии новых сибирских земель под свою „высокую руку“, но и, как было видно из предшествующего рассказа, сейчас же входил во вкус обладания этими землями и начинал считать их своею собственностью даже тогда, когда сразу было ясно, что он не имеет возможности удержать их за собой. Китайцы раз'яснили московскому правительству¹⁾ его ошибочный, с их точки зрения, взгляд на Поамурье; но на всей остальной сибирской территории не нашлось народа, который был бы в состоянии выставить усиленное сопротивление поземельным захватам пришельцев, и таким образом, к началу XVIII стол. гигантская страна, сравнительно с которой московское государство было незначительной территориальной величиной, оказалась под верховною властью Москвы. Сибирь становится московской колонией, и это новое ее положение определяет в ней целый ряд новых отношений. В Сибири появляется чуждая ее народам государственная власть, предъявляющая им свои требования, на которые эти народы так или иначе начинают реагировать; в Сибири появляется пришлое,

¹⁾ Нерчинским трактатом 1689 г.

другой расы, население, другой веры, других устоев и обычаев, имевшее за собой совершенно иную историю, чем то прозябание в родовом быте, в котором застают сибирских народцев приход в их земли русских, как по своей, так и по государевой воле. В жизнь сибирских инородцев входит и, чем дальше, тем глубже, целый новый мир понятий, идей, привычек, приемов, и в их стране рядом с ними возникает новая жизнь, жизнь пришельцев, постепенно все крепче и крепче прилежавших к чужой земле, становившейся им родной, и все более и более превращающих историю Сибири в свою историю, в историю русской, все более и более разрастающейся колонии.

Таким образом, дабы составить себе более или менее ясное понятие о существенных явлениях сибирской истории, нам последовательно предстоит изучить ряд вопросов, охватывающих сибирские отношения в трех веках сибирской истории, XVII, XVIII и XIX-м, а именно: 1) вопрос о русской государственной власти и ее представителях в Сибири и об отношении к установившейся зависимости от Москвы со стороны сибирских инородцев; 2) вопрос о разных элементах пришлого населения в Сибири, об отношениях между ними и инородцами; 3) вопрос о ссылке; 4) о промышленности и торговле и 5) о культурных течениях в Сибири.

Обращаясь к первому из поставленных вопросов, мы прежде всего должны подчеркнуть тот, упомянутый уже нами факт, что главнейший интерес московской государственной власти, который она усматривала для себя в Сибири, выражался в дани с сибирских инородцев, или в ясаке, как называлась инородческая дань. Сибирский ясак был очень ценный: он представлял богатейший в мире подбор мехов соболя, лисицы, бобра, песца, белого и голубого, куницы, горностая, рыси... Особенно ценился мех черной лисицы, стоимость коего достигала нескольких сот рублей¹⁾. Единицей измерения ценности всех сибирских мехов был соболь, представлявший как бы натуральные сибирские деньги. Какие бы меха ни представил ясачник в качестве подати, стоимость их переводилась на стоимость того или другого количества соболей; ибо для податного ясака был установлен соболиный „оклад“, размеры которого бывали неодинаковы, в зависимости от разных обстоятельств, но который, в общем, придерживался нормы 10 соболей с женатого и 5 с холостого. Так, напр., если какой-нибудь инородческий „князец“, при положенном на него „окладе“ в 11

1) Оглобин. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа, ч. I, стр. 93.

соболей, представлял всего 7 соболей и 2 красных бобра, то он удовлетворял своему „окладу“, ибо 2 красных бобра, как более ценные меха, зачитались „ясашному“ за 4 соболя; с другого „ясашного“ человека при том же „окладе“, взяли 5 соболей и чернобурую лисицу „без хвоста и лап“ за 6 соболей, а с третьего одну чернобурую лисицу только „без передних лап“ за все 11 соболей „оклада“¹⁾. Но податным ясаком не исчерпывались поборы, которые требовались от сибирских инородцев государственною властью. Сверх соболиного „оклада“, устанавливался еще „десятинный сбор“, т.е. брали 10-го зверя с добычи, какова бы она ни была, и еще так называемый „поминок“, т.е. подарок царю и наследнику престола, бывший однако вполне обязательным для ясачника и потому имевший значение настоящего налога, тем более обременительного, что он был неопределенен, так как количество его, как говорит автор „Исторического Обозрения Сибири“ Словцов, „определялось доброю волею и усердием приносителя“. Далее мы увидим, какова была эта „добрая воля“... Теперь же отметим приблизительные доходы казны от Сибири, из которых главнейшими были ясачные поступления, усилившиеся в период приобретения новых земель в Восточной Сибири.

Сибирью, которая в начале ведалась в посольском приказе, с царствования Михаила Федоровича управлял сибирский приказ, сначала, как отделение казанского и мещерского дворцов, а с 1637 г. самостоятельно, и доходы сибирского приказа в XVII стол., на основании официальных документов, в среднем определяются суммой около 150,000 р.²⁾; но Котошихину, хотя он и не решается утверждать, что точно запомнил, вспоминается другая, гораздо большая, цифра: „чаят“, говорит он, „тое казны приходу в год больши шти сот (600,000) тысяч рублей“. П. Н. Милюков считает это осторожное показание неверным, ибо оно не совпадает с цифрами приказных документов; но это категорично-отрицательное замечание по адресу котошихинского свидетельства само еще нуждается в проверке: полны ли те „сметные списки“, которые послужили почтенному исследователю цифровым материалом для его вычисления? Едва ли такой деловой и знающий человек, каким был бывший подъячий посольского приказа, так на много мог ошибиться, как это выходит, если принять приводимые г. Милюковым канцелярские данные. Во всяком случае, то, что давали сибирские инородцы московскому царю, для них было не легким

1) Там же, 93 стр.

2) Милюков. Государственное хозяйство и реформа Петра Великого, стр. 153.

бременем, несмотря на зоологические богатства их девственных земель... На приобретение всех этих соболей, куниц, лисиц, бобров, барсов и др., которые, под названием царской казны присылались в Москву „ежегод“, затрачивался немалый и не редко опасный труд охотника-зверолова, вследствие чего, при значительности податных окладов и „доброхотных“ даяний с одной стороны и сравнительной малочисленности сибирских инородцев с другой, большая доля этого труда оказалась в крепостной зависимости у московского государя; а это ли не тяжелое бремя для народцев, бывших или совершенно свободными, или состоявших в необременительной зависимости от манчжурских и китайских владетелей?

Тяжесть этого бремени сильно увеличивалась от характера отношения к инородческому населению Сибири со стороны посылавшихся сюда Москвой представителей государственной власти. Это были воеводы, типический образ которого очень хорошо известен.

В Сибири типические черты воевод, грабителя и насильника, обозначались еще резче, ибо в такой дали воеводы чувствовали себя совершенно самовластцами, тем более, что в первое время их права и обязанности точно не определялись, и они получали полномочие „делать всякие дела по своему высмотру и как Бог на душу положит“.¹⁾ Сначала, до 1629 г., в духе этой широкой программы Сибирью управлял тобольский воевода, а другие, в том числе и томский, были у него в подчинении; подчинение городовых воевод областному выражалось, между прочим, в том, что последние не имели права без согласия первого двигать против неприятеля ратных людей даже в том случае, если неприятель вторгся в пределы их уездов. С 1629 г. томский воевода получил тоже самостоятельное значение, и Сибирь стала ведаться двумя разрядами, Тобольским и Томским. Под управлением первого остались города Верхотурье, Пелымь, Туринск, Тюмень, Тара, Сургут, Березов и Мангазея с острожками и зимовьями, а под управление Томского разряда были поставлены Нарым, Кетск, Енисейск, Красноярск и Кузнецк, тоже с острогами и зимовьями.

Эти главные областные управления Сибирью имели по 2 воеводы, главного и товарища, а также дьяков и письменных голов. Но эти управления, которым были подчинены перечисленные города, не исключали, разумеется, в последних воеводско-приказного же управления, — и в них была администрация, аналогичная администрации областных центров. С течением времени, по мере

¹⁾ Буцинский, Начало заселения Сибири и быт ее первых насельников, стр. 235.

увеличения владений в Восточной Сибири, к этим центрам прибавлялись новые: в 1638 году было учреждено самостоятельное воеводство в Якутске, в веденье которого поступают обширные пространства в Восточной Сибири и в зависимость от которого было поставлено учрежденное в 1649 году Илимское воеводство.

Главнейшею обязанностью воеводы являлся сбор ясака, и в сфере этого сбора открывался особенно широкий простор руководствоваться „своим высмотром“, действовать „как Бог на душу положит“. Правда, московское правительство неоднократно напоминало воеводам: „брать ясак, смотря по людям и по промыслам, сколько можно“; но при тех полномочиях, какими обладали воеводы, они, по справедливому замечанию одного исследователя, это благоразумное правило читали несколько иначе: „бери как можно больше“¹⁾. Это видно из многочисленных дел о злоупотреблениях воевод и других служилых людей, их помощников.

Само правительство признавало эти злоупотребления, когда говорило, напр., следующее: „преж всего им (ясачным людям) в Тарском городке от воевод, от голов и от приказных людей, от боярских детей, от казаков, от стрельцов и от их братии новокрещенных... было небрежение, налоги и продажи великие... брали с них ясак с прибавкою, не по государеву указу, и тем сами корыстовались, а воеводы того не берегли и суда прямого не давали и сами воеводы делали им продажи и убытки, брали поминки и посулы“...

Несмотря на всевозможные таможенные меры, клонившиеся к тому, чтобы предотвратить возможность воеводам вывозить из Сибири награбленные там меха и деньги, они успешно вывозили и то, и — тем более — другое; „высматривали“ воеводы, в Сибири многое, но все такое, что, принося известную выгоду „государю“, приносило и им аналогичную выгоду, и это, разумеется, вытекало главным образом, из самой природы воеводско-приказного управления, поставленного к тому же в Сибири в исключительно благоприятные для того условия; также, как воеводы, путем того же „высматра“, действовали и их товарищи, и другие служилые люди; и они в Сибири наживались на счет ясачного населения, вывозя оттуда и драгоценные меха, и деньги. Администрация прибегала ко всяким способам насилия над ясачными людьми с целью наживы. Так, напр., енисейский воевода посылал к инородцам торговго человека со своим товаром; эти товары отдавались, „сильно наметывались“ ясачным людям и за них „сильно“ же бралась

1) Н. А. Фирсов. Полож. Инородцев в Московском государстве, 163.

мягкая рухлядь, дорогие меха за безценок, но лишь бы стяжание имело хотя бы некоторое подобие законных актов купли-продажи.

Вообще, злоупотребления воевод и других служилых людей в Сибири, — это — не какая-нибудь историческая деталь, случайность; напротив, это — важное общее явление, с которым серьезно приходилось считаться московскому правительству. Этот гнет обуславливался не злонравием, не темпераментом, а всей системой, как центрального, так и областного управления. Не забудем, что редкий воевода не оставлял позади себя „сыска“ об его управлении, и все это были „представители родовых дворянских фамилий“¹⁾. В этих сыскных делах разворачивается потрясающая картина служилого гнета, под который попало сибирское население. Бывало так, что область, посещенная воеводой и его людьми, после того имела вид страны, разоренной неприятелем: она была прямо таки разграблена, люди изувечены, женщины изнасилованы²⁾. Довольно указать, что иногда, при сборе ясака, насилия были настолько нестерпимы, что от них „ясашные люди с судов метались в воду и тонули“, т. е. кончали самоубийством³⁾. Восставали и русские люди, притесняемые воеводами, причем возмущение бывало длительным: воевода отстранялся и вводилось самоуправление с выборными населением „судейками“, и целый уезд признавал этих выборных властей и новую думу забунтовавшего города⁴⁾. Но еще упорнее и опаснее были инородческие восстания. Таково, напр., киргизское движение 1616 года, подавленное посланными казаками с значительными усилиями и жестокостью: „многих киргизов порубили, жен и детей в плен побрали...“⁵⁾

Или вот еще примеры. В 1624 году кузнецкий воевода уведомил томского, что татары его уезда „нетокмо на нынешний год не заплатили ясаку, но и, скопясь, показывают вид, что желают вступить с россиянами в бой“; они не только „показывали вид“, но подняли явный бунт, „который“, говорит старинный историк Сибири Фишер, „на подобие огня от часу далее распространялся и заразил татар Тарского уезда“⁶⁾. В 1628 году пришло известие о том, что барабинцы убили сына боярского и перебили 18 человек тарских казаков, оставленных в степи для защиты татар от

1) Оглоблин, Обзор столбцов и книг Сиб. приказа. I, 181.

2) Там же, III, 171.

3) Там же, II, 175.

4) Н. Н. Оглоблин, Красноярский бунт 1695 — 1698 г.г. Очерк из истории народн. движений в Сибири, Томск, 1902 г., 8.

5) Миллер, Описание Сибирского царства, С.-Пет., 1787 г., кн. 1-я, 367.

6) Фишер, Сибирская история, С.-Пет., 1775 г., 321.

калмыцких набегов¹⁾, но, как видно, действовавших так, что от них пришлось отделаться барабинцам; после чего руководитель движения князец Когутай со своими сообщниками бежал в верховья Оби к телеутам и калмыкам. Словом, инородческий мир Сибири там и сям выдвигает отпор пришельцам, прибегает к разным способам обороны против них: говоря об экспедициях в Восточной Сибири, мы отметили целый ряд возмущений инородческого населения против русского владычества и неумеренных appetitов представителей этого владычества. Мы видели, что якуты и онкоты передались китайскому правительству во время борьбы с ним русских за Поамурье и что то же готовы были сделать уже раньше поднимавшиеся против русских тунгусы, самый значительный по количеству народ Восточной Сибири. Вообще, после того, как характер русского владычества в Сибири выяснился окончательно в глазах инородческого мира этой страны, инородцы, позднее, в конце XVII стол., подчиняемые русской власти, выставили, кажется, более энергичное сопротивление и более планомерную оборону, чем те, с которыми имели дело первые пионеры в Восточной Сибири. По крайней мере, покоритель Камчатки Атласов отмечает в своей отписке следующее, весьма выразительное явление: „до прибытия русских“, говорит он, „острогов у них не бывало и знатно, что при русских людях построили острогов больше. И от тех острогов бьются, бросают камни пращами из рук с острожку и обвостренным кольем и палками бьются“²⁾. Бродячие инородцы, жившие родами, в юртах, стали в непокоренном еще русскими камчатском краю собираться в остроги, в укрепленные места, которых разведчики Атласова насчитали до 160, и собирались эти первобытные звероловы-охотники, очевидно, для того, чтобы отстоять свою свободу, не платить ясака, как они не платили до прихода русских: „державства великого над собою не имеют“, писал о них Атласов, „и ясаку не платят, а живут по своей воле“. Но с приходом русских, с построением в Камчатке (в 1703 г.) Больше-Репкого острога и с возникновением ежегодных казачьих командировок для приведения в большее подданство жителей и для сбора ясака „державство великое“ все более и более затягивало петлю на туземцах, иногда жестоко мстивших своим притеснителям.

„Камчадалы“, читаем мы в официальной „Исторической записке о Камчатке (о всех переменах в управлении ее)“, записке,

¹⁾ Там же, 323.

²⁾ Исторический очерк главн. событ. в Камчатке— Сгибнева, 11.

представленной императору Александру I сибирским генерал-губернатором Иваном Пестелем, „до сего времени (до установления „великого державства“) не выдавшие никакой посторонней власти, постепенно лишаемы русскими природной их свободы и, наконец, доведены были до того, что сделались совершенными неприятелями русских, с умножением и усилением коих на Камчатке усиливался и дух мщения у камчадалов, так что в 1706 г. Больше-Рецкий острог разорен был ими до основания, дома выжжены и казаки погибли“¹⁾. Дабы „великое державство“ не терпело „поруки“, ущерба от инородческих мятежей, государь приказывал „имать“ с инородцев ясак „ласкою, а не жесточью“, но все-таки „по вся годы с прибылью, без недобору, чтоб наш“, говорилсь в грам. 1681 г.²⁾ „великого государя ясак и поминки на ясачных людях из году в год не оставались“. Воеводам настоятельно внушалось „мягкую рухлядь собирать неоплошно, с великим радением, и ясачным, которых учнете посылать в ясачные волости, в наказы писать и сказывать на-крепко, чтоб ясачные люди наш великого государя ясак приносили: соболи с туши и с хвосты, а лисицы с лапы и с хвосты ж, по окладу сполна“. А чтобы эти внушения не остались только на бумаге, пустым звуком, они подкреплялись обещанием доправить допущенную недоимку на самом воеводе: в этом обещании, конечно, заключалась серьезная гарантия того, что внушения о неотложном сбсе ясака с бумаги усердно переводились на спины ясачников... И в этом отношении воеводы не плошали. Тщетно инородцы якутского края указывали „государю“ на свою бедность и нужду, на то, что в их реках „зверь соболь“ „опромышлялся“, и просили о более снисходительном для них „окладе“, государь повелевал: „сбирать с ясачных людей ясак по окладам их“. И вот в 1682 г. пришлось якутскому воеводе собирать государев ясак с „великою нужею“; многие при этом, наиболее бедные якуты, старики и увечные, а также и те, которые, вследствие соболиной беспромышленности, не добыли зверя в достаточном количестве, — не могли заплатить ясака сполна по окладам „и в том неоплатном ясаке те якуты стояли на правеже и в тюрьме сидели“³⁾. Лишь иногда, как особого рода снисхождение, разрешалось некоторым инородцам, вместо самостоятельной ловли зверей, наниматься „у русских людей клади их волочить

1) Архив Ггсуд. Сов., Д. Эк., 1810 г., № 29.

2) Историч. Акты XVII стол. Собр. и изд. Иннокентием Кузнецовым. Томск, 1890 г., 57.

3) Н. А. Фирсов, Полсж. инсгсдц., 166.

и платить ясак великому государю русскими соболями (т. е. купленными и заработанными у русских), „чтобы ясашным людям“, поясняло правительство эту „милость“, обуславливаемую, может быть, нуждой русских в дешевых рабочих руках, „в конец не погибнуть и великого государя ясаку не отбыть“ ¹⁾). Таков был общий характер требований государственной власти с сибирских инородцев и исполнения этих требований ее местными органами, — воеводами и их помощниками.

Да и как было великому государю не относиться столь ревниво к сбору ясака, когда, по справедливым замечаниям исследователя, на драгоценные меха „покупались“ им „заморские вина и сласти, которыми отягчалась трапеза царей, и разноцветные кафтаны, которыми щеголяли при дворе“, когда на них же, на меха же, приобретались „груды золота и серебра, которые наполняли царскую казну и приводили в изумление иностранцев“, когда все теми же мехами, соболями и лисицами, между прочим, „царь платил за монашеские молитвы о здоровье его и об упокоении его предков и за воинскую доблесть и безусловную покорность его холопов“ ²⁾).

Разлакомившись ясаком с инородческого мира по сю сторону Урала, московский царь не хотел знать никакой „оплошности“ в сборе ясака по ту сторону „Камня“ — на всем великом пространстве сибирских земель...

Воеводы охулки на руки не клали, а инородцы волновались и поднимали мятежи; государь московский производил об их хищениях и насилиях „сыски“, приказывал поступать „ласкою, а не жесточью“, и в то же время неуклонно, под опасением имущественного ущерба, требовал от своих слуг сбора ясака без недобора, не взирая на серьезные препятствия к этому. Требуя последнее, он сам злоупотреблял своим „высмотром“ не менее, чем его агенты своим. Говоря хорошие слова о „ласке“, дабы его казне не было порухи, московский царь не замечал, что по отношению к сибирскому инородческому труду он занимал в сущности одну и ту же позицию со своими агентами и разными „промысловщиками“, первыми пионерами в Сибири. Это — позиция эксплуататоров чужого труда ради целей, не имеющих никакого отношения к жизни и положению эксплуатируемых; инородцы Сибири, пока не были совсем задавлены, отлично это понимали,

¹⁾ Там же, 167.

²⁾ Там же, 159.

почему не только производили агрессивные действия против служилых людей, но прямо отлагались от „великого державства“.

Итак, в конце концов мы видим, что по отношению к Сибири, сделавшейся в XVII стол. окончательно московской колонией, чуждая стране государственная власть и ее представители отнеслись подобным же образом, как раньше и позднее относились пришельцы-завоеватели в колониях всего мира: с необыкновенною алчностью, хотя и с приправой иногда добрых слов, имевших более финансовый смысл, принялись эти пришлые элементы края истощать не только его зоологические богатства, но и все туземное население, завладев его землями и трудом, не думая о последствиях такого хищничества для самих эксплуатируемых маленьких народов великой страны.

Таково, повторяю, отношение вообще победителей к побежденным в отдаленных странах, неизбежно опустошаемых и разоряемых, факт, давно установленный в науке ¹⁾. Конечным и роковым последствием этого факта, при малой физической и духовной выносливости побежденной расы, являлось вырождение и вымирание туземного населения. В частности по отношению к крайнему востоку Сибири, Камчатке и камчадалам, об этом явлении выразительно свидетельствует цитируемая нами выше „Историч. записка“ о Камчатке: „Начальное покорение ее“, читаем мы здесь, „продолжающиеся внутренние возмущения камчадалов, происходившие притеснения от завоевателей, т. е. казаков, занесенные сими последними болезни, жителям тамошним до того неизвестные, а наипаче оспа и венерическая болезнь истребили большую часть Камчадалов“ ²⁾.

Но подобная судьба постигла и некоторых других народцев Сибири и, разумеется, постигла бы всех, если бы не громадный культурный прогресс метрополии, если бы не проникновение верховной власти принципом разумной государственной экономии, совпадающей и с великими началами гуманности и с настоящими, непреходящими политическими и общественными интересами и задачами России в Сибири.

IV

Московское „державство“, повлекшее за собой прежде всего требование „ясака“, есть основной факт истории Сибири по за-

¹⁾ См., напр., у Маркса в описании процесса так называемого первоначального накопления.

²⁾ Арх. Гос. Совета, Д. Эком., № 29.

воевании ее русскими. К какой бы стороне сибирской жизни мы ни обратились, мы неизбежно встретимся с этим фактом, ибо от него все теперь отправлялось и к нему все возвращалось; хотя это вовсе не значило, что жизнь не имела своего собственного не зависевшего от „державства“ хода; выяснить видную роль этого „державства“ в сибирской жизни и определить то, что уходило из-под его воздействия, имело самостоятельное течение, к которому так или иначе прилаживалось и само „державство“, составляет главнейший предмет нашего дальнейшего изложения.

Московское „державство“ в Сибири *обязывало* и прежде всего обязывало самого „белого царя“ удержать Сибирь за собой. Как показали судьба Ермака и впоследствии амурское предприятие, это было много труднее, чем произвести первоначальные захваты при помощи отважных набегов промышленно-казацких товариществ. Положение этих товариществ и шедших с ними и за ними московских служилых людей было очень рискованное и опасное, на что указывает вся история открытий и завоеваний в Сибири. Почти до самого конца XVII в. положение боевой силы в Сибири было очень тяжелое, о чем свидетельствует множество жалоб служилых людей на всевозможные бедствия, которые они терпели в отдаленных и негостеприимных краях. Так, енисейские служилые люди указывали верховному „державцу“ Сибири, что „служб таких нужных и жестоких во всей государевой отчине нет“, указывали на малолюдство, плохое содержание, дороговизну и недостаток сѣстных припасов: еда, де, у них такая, „чего говорили они, на Руси и скотина не ест — в зимнее время разбив муки на воде, а в летнюю пору наваря борщу в воде, то мы едим“... Служилые люди сами понимали, какое они имели значение в деле покорения Сибири, в деле приведения сибирских инородцев к покорности, к московскому „державству“, знали, что „землицы очищали они своими головами и кровью“, и потому, прося разных льгот и облегчений, мотивировали свои просьбы опасением, как бы, в противном случае, „не умалился сбор ясачной казны, которая“, говорили они, „сбиралась нашею кровью и работою“¹⁾.

Главный недостаток, особенно чувствительный в Сибири пришельцам, это недостаток в хлебе. Сибирь не встретила их ни хлебом, ни даже солью, ибо попадают жалобы, что от недостатка соли у них развилась цынга, — что они „оцынжали“... Хлеб пришлось привозить в Сибирь из поморских уездов (в нынешн. Арх.

¹⁾ Обзор Столб. Сиб. прик., 111, 119, 117.

губ.), где он собирался с крестьян; на их же обязанность была возложена и доставка хлеба в Верхотурье, откуда затем он развозился по сибирским городам. С распространением пашни в западной окраине Сибири, в Верхотурском уезде, стали собирать хлеб для Сибири и с крестьян этого уезда, с „государевых“ и „собинных“ крестьянских пашен: сохранились дела об отпуске в Тобольск, Туринск и др. сибирские города заготовленных хлебных запасов в возникших в Верхотурском крае слободах, напр., в Тагильской, Ирбитской, Ницынской, Невьянской и др.

Трудно было доставить поморский хлеб в Верхотурье, откуда на судах, здесь построенных, он шел с немалыми затруднениями и препятствиями в Тобольск; но еще большие трудности ожидали доставщиков хлеба при развозке его по самой Сибири; здесь иной раз транспорт хлеба попадал в ужасные условия, в которых представленным к нему служилым людям приходилось даже погибать. Так, в 1643 г. морем шли государевы и торговые кочи с хлебом из Березова в Мангазею, куда доставка хлеба сопрягалась с особенною опасностью, и на этот раз кочам не посчастливилось: они потерпели крушение, хлеб потонул, потонула и часть людей; некоторые из спасшихся, чтобы не умереть голодной смертью, питались мертвыми телами своих товарищей; но все-таки потом все они погибли в дороге; тем не менее об их людоедстве возник „сыск“, и дело докладывалось государю, о чем на отписке тобольских воевод царю о печальном финале этой хлебной доставки имеется помета: „государь слушал; в столп“ (сдать в архив)¹⁾. Сибирские казаки и стрельцы, на которых возлагалась развозка хлеба по сибирским городам, жаловались государю на свою долю и просили избавить их от этого рода службы, говоря, что служба их и без того крайне тяжела и что они не в состоянии нанять подводы для перевозки хлеба: „у нас“, объясняли енисейские служилые люди московскому царю, „и волосов столько на головах нету, чтобы дати от тое хлебные возки найму“²⁾.

Вот эти-то обстоятельства — необыкновенная трудность доставки хлеба в Сибирь и сопутствующая трудности дороговизна доставки — и явились одним из существенных побуждений правительства стремиться к заселению Сибири, к установлению там земледельческой культуры. Вместе с удовлетворением потребности в хлебе эта земледельческая колонизация должна была служить и к укреплению Сибири за Москвой. И вот в Сибири возникает

1) Обз. Сиб. приказа, 111, 70—72.

2) Там же, 111, 116.

так называемая „государева пашня“. Обязанность по начатию этого дела и по развитию его также, как и сбор ясака, возлагается на воевод: они должны были отыскивать пашенные места, призывать на них „прихожих“ русских людей и заводить слободы — именно для того, чтобы иметь в Сибири местный хлеб, а не ждать, и нередко напрасно, присылку его из Верхотурья.

Таким образом мы видим, что „державство“ Москвы в Сибири, как результат завоевания, повлекши за собой установление ясака с сибирского населения, влекло за собой также правительственное заселение Сибири земледельцами в интересах продовольствия завоевателей и новых владельцев страны, а через них, следовательно, и вообще для упрочения в ней русского владычества. Эта правительственная земледельческая колонизация Сибири не пошла бы однако так успешно, как она пошла, если бы она не встретила серьезной опоры в начавшемся, под давлением жизненных условий Московского государства, переселенческом движении в Сибирь рабочего люда, — значит, в естественной, вольной колонизации Сибири. Многие дела Сибирского приказа свидетельствуют об этом вольном заселении Сибири, которым правительству приходилось только пользоваться в своих властительских интересах, и оно пользовалось им даже в тех случаях, когда это заселение не совпадало со строгой законностью.

В Сибирь двинулись и гулящие люди, и пахари, гонимые на новые места нуждой, которую они испытывали на старых, с плохими урожаями и еще более плохими порядками; к тому же на старых местах земля была чужая и достаточно истощенная примитивными способами обработки, а в Сибири был непочатый край громадных плодороднейших пространств, на которых можно было завести свое земледельческое хозяйство, не стесняясь в распространении пахатной площади на счет бесконечных лесов и не вставая в зависимость от помещика.

Отправлялись в Сибирь по удовлетворенным челобитьям на имя государя и просто бежали. Бежали из разных мест Московского государства, в том числе и из поморских, где население было угнетено не помещиком, а наложенной правительством обязанностью по известной нам хлебной доставке, откуда, следовательно, путь в Сибирь был хорошо известной и проторенной дорогой. „Государь“ знал и о таких самовольных переселенцах-беглецах: „ведомо нам учинилось“, читаем мы в царской грамоте 1684 г., — „что из Поморских городов бегут всяких чинов жители и уездные пашенные крестьяне в разные сибирские города“.

С развигием преследования раскола это сзмовольное переселенческое движение в Сибирь усилилось, а московское правительство, хорошо зная о нем, относилось к нему в общем довольно снисходительно в интересах заселения Сибири и распространения в ней пашни. Передвижение населения продолжалось и в самой Сибири: переселенцы переходили с места на место, ища лучших „землиц“. Так за атаманом Сорокиным, оперировавшим в Даурии, двинулись и пашенные сибирские люди.

Заселение русскими Сибири началось, конечно, с западной ее части, с так называемого Верхотурского уезда. Здесь уже к началу XVII в. успели возникнуть русские поселения, занявшие сравнительно в короткое время значительную площадь. Большею частью эти поселения возникали на пожалованных „государем“ землях, для получения коих требовалось только то, чтобы до того на них не было собственника, чтобы они были „дикими“, а следовательно, „вольными“. На такой „вольной“ земле появились дворы первых поселенцев; эти дворы именовались деревней, хотя в начале такая деревня состояла из одного, двух, много трех дворов; с течением времени путем естественного прироста количество дворов увеличивалось и в конце концов прежний, в сущности, хутор превращался в село или слободу; в ином случае зерном сибирского села была одна семья, вследствие чего позднейшие многочисленные обитатели его носили одну фамилию. Но, разумеется, чаще и скорее поселение развивалось путем „прибирания“, припуска на заведенную пашню новых поселенцев. Нашлись особые организаторы поселений, основатели пашенных слобод, так называемые „слободчики“. Основав одну слободу и пригласив на нее крестьян, они, эти „слободчики“, как говорят акты, „ездили с теми новоприборными крестьянами далее, отыскивали удобные пашенные земли и вновь строили слободы“. Так появлялась слобода за слободой; в 20 лет их возникало до 10, и в них к прежним дворам прибавилось до 60. Поощряя вольное заселение Сибири, правительство в то же время требовало от воевод, чтобы они „прибирали“ крестьян „на государеву пашню“ и при этом предоставляли бы им льготы и оказывали бы им помощь. Этим самым „державство“ толкало естественный колонизационный процесс дальше, до известной степени искусственно форсировало его. И вот, когда этот процесс дал более или менее осязательные для „Москвы“ результаты в Верхотурском уезде и в Тобольском разряде, правительство констатировало факт значительного распространения в Западной Сибири пахотной площади. „Прежде“, сообщало оно

в указе 1632 г., „привозили из Поморских городов в Верхотурье хлебные запасы, давно, коли в Сибирских городах нашему хлебу пахота была не велика, а ныне на Верхотурье и в иных сибирских городах Тобольского разряда хлебная пахота учала быть большая, а остается у них хлеба и за окладом много“. На этом процесс земледельческой колонизации на территории Тобольского разряда не остановился, а продолжался дальше, и чем дальше на восток, тем, повидимому, с большим „понуждением“ со стороны „державства“. Сначала заботились о распространении пахоты в „Томском разряде“, где хлеба „тамошней пахоты“ в 30-х годах XVII в. было мало, а потом в еще более „диких“ местах Восточной Сибири, где о хлебе нередко приходилось только мечтать и в поисках его пускаться в отдаленные и опасные даурские странствия. В начале 40-х годов того же века московский царь, видимо, поражаемый отписками с мест о хлебной скудости и „нуже“ в русских острогах Восточной Сибири, приказал якутскому воеводе Головину с товарищами отыскивать на Лене годную для пашни землю и сообщить, „сколько на тех местах крестьян устроить можно“. И другим воеводам Москвы повелевалось: „пашенных мест им воеводам по Лене реке и по иным рекам близко Лены проведывать накрепко, чтоб на Лене-реке и близко того места, где они воеводы с служилыми людьми учнут жить, пашни завести и крестьян на пашни устроить—и хлеба [на ленских служилых людей и на ружников, и на оброчников, и на всякие тамошние расходы напахать, а из Тобольска и Енисейска бы впредь на Лену хлебных запасов не посылать, а позывать на пашню крестьян вольных, всяких гулящих людей из подмоги и из льготы“. И здесь нашлись „охочие люди“. Так, напр., известный нам Ярофейко Павл. Хабаров в 1641 г. просил, чтоб ему на Лене дали под пашню земли на льготе, с обязательством, после льготных лет, пахать ему на государя определенное количество земли, а именно „от 9 десятую десятину в поле, а в дву потомуж“; так, в том же году о том же „бил челом“ промышленный человек Пантелейко Яковлев, устюжанин,—„чтоб быть ему в пашенных крестьянах“, просил земель на Лене на Тунгусском волоку, где „переходят с Лены на Турухань“; так, в 1649 г. Ивашко Сверчков, крестьянин вологодского архиепископа, также, как и первые два челобитчика, просил и получил пахотные земли. И вот, и в Восточной Сибири постепенно, но настойчиво „дикое поле“ превращается в пахатное, и распространяется это последнее так же, как и в Западной, по великим и малым сибирским рекам. Там, на этих реках, где нахо-

дились удобные для пашни земли, и укреплялось пришлое земледельческое население, сделавшееся основой русского владычества в Сибири. Настоящая жизнеспособная завязь этого владычества образовалась не ранее, как к концу XVII в., когда в Западной Сибири, по рекам Туре, Тавде, Тоболу, Иртышу, Оби и их притокам уже прочно сидело земледельческое русское население, а в Восточной, имея уже оседлое население на Енисее и на других реках, усиленно заводили пахоту в верховьях Лены.

Положение первых русских поселенцев-земледельцев в Сибири было очень трудное. Им не хватало очень многого, они были обременены „государевой пашней“ и многими повинностями, они были в чужой стране и терпели недостаток в одежде, обуви, в хозяйственном инвентаре; но особенно чувствителен им был недостаток в женщинах; да, последний недостаток, в челобитной енисейских пашенных крестьян на имя государя, выставлялся, как самый существенный: „вели, государь“, писали они, „нам прислати из Тобольска гулящих (вольных, свободных) женочек, на ком жениться“, „все мы“, говорили челобитчики, люди „одинокие и холостые“, — вследствие чего самим приходится исполнять „всякие избные работы и оттого опочиву нет (у них) ни на мал час“, „мы“, жаловались несчастные, „просили уже прислать из Тобольска „гулящих женок, но воеводы не шлют“, а без женишек, государь, нам быти никак не мочно“¹⁾.

Эта челобитная указывала на несомненный факт из истории начала сибирской колонизации, факт, который разъяснит нам многое в сибирских отношениях XVII в. вообще, в частности в антропологической организации позднейшего русского населения в Сибири...

Но прежде чем перейти к весьма важному вопросу об отношениях между русским и инородческим населением в Сибири, надо остановиться на первом и посмотреть, из каких категорий оно состояло и какими типическими чертами оно характеризуется само; данные, характеризующие пришлое население в Сибири, в значительной мере объяснят нам и русско-инородческие отношения.

Из предшествующего изложения уже ясно, что высшим классом русского населения в Сибири также, как и в метрополии — в Московском государстве, являлись служилые люди; во главе их стояли главнейшие исполнители на местах верховной воли, управлявшие от ее имени Сибирью, воеводы и приказные. Служилые люди, кроме деления их на начальствующих и подчиненных, еще

1) Обзор стол. и книг Сиб. Приказа, III т., 142.

делились на несколько разрядов по своему общественному положению и по своему происхождению.

На самом верху общественной лестницы стояли дворяне, появляющиеся в Сибири лишь с коца XVII в., сначала в Тобольске, а затем и в иных городах. Это редкий в Сибири „чин“ служилых людей; затем шли Солее многочисленные дети боярские, некоторые из коих по челобитьям верстались и в дворяне. Ниже боярских детей стояли разного рода выходцы и пленники с запада и юго-запада, объединенные названием „Литвы“; это были служилые люди „литовского списка“ — поляки, белоруссы, малороссы, а также и „иноземцы“ — немцы и др. Еще ниже стояли казаки, которых справедливо считают главною военною силою, „вынесшею на своих плечах все дело завоевания Сибири и утверждения в ней русской власти“; ¹⁾ казацкие атаманы и „письменные головы“, бывшие и из рядовых казаков, иногда верстались в дворяне, равно как рядовые казаки за особые заслуги в дети боярские, а с конца XVII в. и в дворяне. Нисшим разрядом служилых людей были стрельцы. Особый разряд представляли служилые люди из сибирских инородцев, большею частью новокрещенов, куда относятся и те инородцы, которые выехали на службу московскому царю из среднеазиатских ханств. Это все служилые люди, но были еще полуслужилые — так называемые оброчники, которых однако надо отличать от крестьян и посадских; эти „оброчники“ получали из казны жалованье — денежное, хлебное и соляное, которое называлось также ругою, подобно той руге, которую получали духовные ружники; определенного „оклада“ на эту ругу не было, как для жалования служилых людей; но этой ругой, получаемой за службу от казны, оброчники-толмачи, государевой бани баньщики, гранатчики и т. под. резко отличались от крестьян и посадских, наоборот, плативших казне „оброки“ за землю и промыслы. Посадские и крестьяне, это — те низы и сибирского русского общества, без которых, при всей энергии первых казацких и казачествующих пионеров, Сибирь не сделалась бы частью русского государства. Рядом с этими общественными классами стояло в Сибири явившееся туда за русским населением православное духовенство — высшее в лице архиепископов, позднее митрополитов, и монастырей с братиями и нисшее в лице белого духовенства; это — представители церкви, занимавшей в Сибири, как и в метрополии, особое положение, несоизмеримое с положением других классов общества; но, резко отличаясь целью своего существова-

¹⁾ Обзор столб. и кн. Сиб. Прик., III, 104.

ния и своей профессией от остальных общественных классов, духовенство и своими специально профессиональными и своими, нередко выходящими за пределы профессии, материальными интересами, близко соприкасалось с таковыми же интересами остального сибирского населения не только русского, но и инородческого; почему и этот класс отнюдь не может быть исключен из сферы изучения сибирских общественных отношений.

Обращаясь к этому изучению, мы опять должны начать с наиболее сильных в сибирской жизни людей, а таковыми были ее цари-воеводы и др. начальствующие лица; мы знаем, как они собирали ясак; теперь посмотрим, как они относились к русскому населению в Сибири.

VII.

Сибирский воевода, столь, как мы видели, грозный и требовательный по отношению к инородцам, был не менее грозен и требователен по отношению к русскому населению, и ближайшим образом даже по отношению к непосредственно подчиненным ему служилым людям. До какой щепетильности доходил сибирский воевода в оценке своего начальственного величия, видно, напр., из следующей сцены, происшедшей однажды в Тобольске в церкви во время пасхальной заутрени. Боярский сын, христосываясь с тобольским воеводой, поцеловал его „мимо губ в руку“; воевода счел этот способ христосоваться неблагонадежным: по его мнению, боярский сын в этом случае „умыслил воровски“, и воевода, не долго думая, тут же, в церкви, „зашиб“ боярского сына¹⁾. Это одна из многих иллюстраций необыкновенной властности воевод в Сибири, для которых законом была их собственная воля, часто переходившая в самодурство. Воевода, постоянно чувствуя эту властность, привыкал думать, что он все может, и это сознание всемогущества иногда выражалось в самых странных формах. Так имеются сведения о таком воеводе, который считал своею обязанностью ходить с длинным и толстым батоном и бить им встречных людей; он не просто бил, а еще и приговаривал: „я, воевода, — всех изподтиха выведу и на кого руку наложу, ему от меня свету не видать и из тюрьмы не бывать“²⁾.

Эти справки и вообще характеристика воеводского властительства имеют для нас то значение, что именно в рассматриваемую

1) Обзор. ст. и кн. Сиб. Пр., III, 89.

2) Градовский, Ист. местн. упр. Сочин., II, 468.

пору, в XVII стол., закладывались те традиции местного сибирского управления, которые давали, как увидим, себя чувствовать населению в Сибири много позднее тех времен. Сибирский воевода XVII в. надолго определил характер представителя государственной власти в Сибири, почему и заслуживает внимания бытописателя прошлой сибирской жизни.

Угнетая не только инородцев, но и новорожденное русское общество в Сибири, воевода его и деморализовал своим поведением, подавая пример к подражанию в самоуправстве и в разврате. Для сибирского воеводы ничего не стоило жениться на жене какого-нибудь под'ячего, иметь гарем. Сметливый воевода обращал разврат даже в статью его дохода; так воевода, Голохвостов имевшихся в Енисейске безмужних жен отдал на откуп вместе с игрой в зернь и хмельным питьем, беря с этого откупа рублей по 100 и больше. Легализировав таким образом проституцию и корчемство в своих собственных интересах, воевода на откупной сумме не остановился: он приказывал попавшим в эту финансовую операцию „женкам“ „наговаривать на проезжих торговых и промышленных людей напрасно“, а затем, по этому наговору, без сыску, сажал увлекшихся воеводскими „безмужними женками“ в тюрьму и вымучивал с оклеветанных большие деньги.

Словом, „воевода“ был злым гением Сибири. Против его насилий возникали протесты, но и протестующие служилые люди, принесшие в Сибирь аналогичные с воеводскими привычки, здесь еще более портились; их портила прежде всего новая роль завоевателей, а затем в известной мере они портились и установившимися в Сибири особенностями воеводского режима. Вообще, среда нахлынувшего в Сибирь служилого люда была дикой средой; в ней господствовало кулачное право, всевозможные насилия и пороки.

Остальные разряды русского населения, пришедшего в Сибирь, принесли с собой сюда тоже не мягкие нравы, и, конечно, среди суровой природы и на сибирском просторе, в борьбе с инородцами, эти нравы еще более огрубели. Сохранившиеся и изданные акты рисуют сибирские нравы в самых темных красках: каких только насилий не учиняли русские люди разных статей друг над другом, какие только оскорбления и преступления не зарегистрированы в многочисленных жалобах и челобитях, шедших в Москву из сибирских стран: стоит посмотреть, напр., кунгурские акты XVII стол., изданные г. Кузнецовым (1888 г., изд. в Петербурге),—дело по жалобе стрелецкой жены на крестьянина об ос-

корблении чести ее непотребными словами и действиями (1686 г.), судебные дела о побоях, кражах и оскорблениях непристойными словами (1686 г.), дело 1691—1692 г.г. об убийстве гулящего человека,—чтобы понять, как мрачна и ужасна была жизнь пришлого населения в Сибири. Представители духовенства, попы, не останавливавшиеся перед венчанием воевод и других служилых людей на чужих женах, разумеется, не могли иметь сколько нибудь благотворного влияния на паству; такие же самостоятельные люди, как протопоп Аввакум, который хорошенько не знал, его ли мучил воевода Пашков, или он воеводу, были редки, да и их суровый аскетизм и приемы борьбы с грехами мира сего чаще приводили к результатам вполне отрицательного характера для настоящей, „живой“ жизни.

Что касается высшего духовенства, то не только монастыри, но даже и иерархи, за немногими исключениями, заботились более о материальных своих интересах, чем об учительстве, и вступали в конфликт с населением, инородческим и русским, не на почве духовной пропаганды, а на почве поземельных захватов. Так, напр., в исторических актах XVII стол., изд. другим Кузнецовым (Иннокентием) в Томске, встречаем жалобу от 1678 г. „тобольских, тюменских и юртовских служилых и захребетных и ясашных татар, да верхотурских пашенных и оброчных крестьян“ на „Корнилия митрополита“, что он челобитчиков за 12 лет перед тем „вотчинные рыбные ловли... взял“, и они были отданы ему без государева указа „из приказной избы на оброк“. „Да и у иных, де, их братьи иноземцев и у русских людей по тому ж земли и угодья многие в разных местах взяты и отданы ему ж, Корнилию Митрополиту“.

Жаловались также и на архимандрита верхотурского Никольского монастыря, на то, что этот архимандрит с братиею „отнял крестьянские их пахотные земли с засеянным хлебом и скотские выпуски, и рыбные ловли, а поселил на их крестьянских землях он, архимандрит, своих монастырских крестьян“. Указывали, что на Пышме реке построены две слободы — одна митрополита, а другая Невьянского монастыря¹⁾. Таким образом высшее духовенство явилось заинтересованной стороной в сфере чисто экономических отношений, стороной, к тому же поддерживаемой местным начальством и потому совершавшей поземельные экспроприации; такое духовенство было, конечно, неспособно бороться с крайнею грубостью нравов и отношений в Сибири, тем более, что оно,

¹⁾ Историч. акты. Изд. 1890 г., 44 и 45 стр

занимаясь стяжаниями, само погрязало в разврате. Еще патриарх Филарет указывал на такие явления в жизни сибирских монастырей, которые были далеки от монашеских обетов. Монахи и монахини считали себя как-бы взаимно созданными друг для друга и жили вместе, не гнушались они мирскими людьми и, сняв с себя чернецкую одежду, жили в домах совсем по-мирски. А как в Сибири жили миряне, об этом свидетельствует в своей грамоте тот же Филарет: „многие православные люди“, между прочим, сообщалось здесь, „живут с некрещеными инородками, как бы со своими женами, и детей с ними приживают; иные женятся на сестрах двоюродных и родных, на дочерях своих, блудом посягают на своих матерей и дочерей, чего и в поганных и не знающих Бога не обретается, о чем не только писать, но и слышать гнусно“; далее, в грамоте, составленной, конечно, на основании сообщений из Сибири, рассказывалось, что многие сибирские служилые люди закладывают своих жен на сроки, на которые они отправляются куда-нибудь по службе, а принявшие их в заклад с ними „блуд творят беззастенчиво“; если же мужья затем таких заложенных жен не выкупят, то владельцы этого живого заклада продают их „на воровство и на работу всяким людям“; „иные же“, говорил патриарх, „бедных и убогих вдов и девиц беспомощных для воровства берут к себе насильно... А попы сибирских городов, черные и белые, не только такие беззакония не запрещают, но и говорят молитвы, а иных венчают без знамени, не по христиански“.

Таковы нравы, таков моральный строй жизни устанавливался в Сибири с самого начала ее истории под русским владычеством.

На те же явления указывал и сибирский арх. Макарий в донесении царю (от 1628 г.) ¹⁾: „а иные, государь, в Тобольске казачьи дети матерей своих бьют и дают; а иные казаки на Руси жен своих и детей пометали, а в Сибири поймают иных жен; а у иных, государь, казаков и в Сибири—на том городе жена и на другом другая, а иные, государь, казаки велят женам своим блуд деяти с чужими мужми“ и пр. „От блудного пребеззаконного содомского житья быть не мощно“, заключает архиепископ.

По другой отписке Макария рисуется такая картина: казаки, отправлявшиеся из сибирских городов „с соболиною, казною“ в Москву, обыкновенно предварительно женились за верхотурским волоком, а затем тут жен своих „метали“, т. е. оставляли в верхотурских городах и селах и ехали в Москву, там снова женились, а то и просто приобретали чужих жен и везли тех и других в

¹⁾ Ист. Вестн. 1890 г., 41 том, 200 стр.

Сибирь, выпросив у государя „подводы, на чем жен весть“; по приезде в Сибирь казаки таких вывезенных жен продавали „своей же братье“; бывало и так, что жены на подводах запаздывали, а тем временем их мужья, приехав в Сибирь раньше их, женились там „на иных“ женщинах¹⁾. Привезенные в Сибирь женщины как указывал патриарх Филарет, продавались также литовцам, немцам и татарам. „А воеводы“, читаем мы в цитированной грамоте Филарета²⁾, того не брегут и тех людей от такого воровства, беззаконных и скверных дел не унимают и не наказывают, покрывая их для своей бездельной корысти, и иные же воеводы и сами таким ворах потакают и попам приказывают говорить им молитвы и венчать насильно“.

Еще бы воеводы поступали иначе, когда они сами поступали подобным же образом, хотя иногда и обличали в таком „воровстве“ друг друга и служилых людей. Так, о нарымском воеводе сообщал тобольский, что тот „жен служилых людей брал насильно к себе на постель, а когда мужья их хотели писать на него грамоту и обратились с этою целью к своему попу, то воевода бил кнутом и попу и служилых людей“³⁾.

Этих данных, кажется, достаточно (число их можно значительно увеличить), чтобы установить не только факт развращенности пришлого населения в Сибири, но и причину этого печального факта, заключающуюся в другом факте, известном уже нам из челобитной енисейских крестьян, в факте недостатка женщин в Сибири. Этим недостатком, конечно, должны преимущественно объясняться и те грязные, возмущающие душу крайности разврате, те кровосмесительные связи, на которые указывала патриаршая грамота, и развитие незаконного, контрабандного ввоза женщин в Сибирь и торговля там ими. На женщину в Сибири смотрели, как на редкий и потому особенно ходкий товар, а потому служилые люди, ехавшие из Руси, запасали жен не столько для себя, но и на продажу. Так, напр., кн. Пронский сообщал, что у томских боярских детей, прибывших с Руси в Тобольск, он нашел по несколько „привозных русских женок“. Этих женок и девиц, если их нельзя было купить, похищали в Сибири даже у духовенства, встречаем дело по извету одного попа на сына томского воеводы в том, что этот сын похитил у него, попа, сверх разной рухляди еще девуку⁴⁾.

1) Там же, 200.

2) Бучинск. цит. соч., 285.

3) Там же, 285.

4) Обзор столбц. и кн. Сиб. Прик., I, 202.

Поскольку все отмеченные проступки против нравственности вытекали из факта недостатка женщин среди русского населения в Сибири, борьба с этим преступлением была невозможна даже и не такому носителю христианских идеалов, каким было в те времена сибирское духовенство. Этот факт, можно сказать, естественно-исторический факт, и он вызвал чрезвычайную обостренность полового вопроса в Сибири, обостренность, вторгшуюся в жизнь не только русского, но и инородческого населения, которому пришлось поделиться своими женщинами с пришельцами. Если эти последние не церемонились с русскими женщинами, то тем менее они церемонились с инородческими. Вся история покорения Сибири и история взимания с ее обитателей ясака есть вместе с тем история похищения женщин у инородческого населения: это—одна из самых существенных черт отношения русских к инородцам Сибири, черта, имевшая нередко решающее значение в эволюции отрицательного отношения туземцев к пришельцам. Вот факты. Так, в 70-х годах в Западной Сибири, при столкновении с калмыками, казаки уводили от них в плен по 100 и более женщин, в 1674 г. даже до 400 чел. зараз вместе с детьми. Так, в Восточной Сибири знаменитый Хабаров побрал в Даурии у тунгусских племен „бабья поголовно, старых и молодых девок—243 чел.“ В 1645 г. якуты жаловались на якутского воеводу и дьяка, что, по их приказанию, служилые люди „баб у них, у якутов, емлют сильно“. Московский царь в наказе якутскому воеводе Приклонскому в 1680 г. повторил жалобу на детей боярских, что они „у ясачных людей жен и детей и у многих жилецких людей работниц и племянниц и детей крестных, угрожая, брали себе и отсылали в иркутский острог“. То и дело брали в плен инородческих женщин „с бою“; так, в 1680 г. казаки взяли на бою 20 девок и 10 баб с десятью ребятами мужского пола. Такая добыча называлась ясырем, и ее или держали при себе, или продавали: так, имеется известие, что тунгусских девиц продавали за 7 соболей и за 10 лисиц красных с 4 пластинками собольими.

На Колыме,—как о том сообщали в челобитной юкагиры, — казаки и служилые люди брали юкагирских и ламутских женщин за ясак и „тех женок из войска продавали промышленным людям“. Служилые люди, будучи в походах на Индигирке и Охоте, „имали себе у инородцев, тунгусов и юкагиров, жен и дочерей для блудного дела“¹⁾. Фактов довольно; ясно, что женский „ясырь“, помимо первоначального побуждения для приобретения его, о чем

1) Шапов, сочин. II, 426 и 427.

имеем выразительные показания актов, являлся весьма доходной статьей, ибо он был товаром, имевшим весьма хороший сбыт не только в Сибири, но и на Руси, куда служилые люди пытались вывозить его... Как же относилось к этому „ясырю“ московское центральное правительство, московский государь? На Русь „ясырь“ пускать было не велено, на границе досматривали, и если находили, то некрещеных отсылали назад в Сибирь, а крещеных уже не возвращали соплеменникам, а выдавали замуж за служилых людей. Московский царь входил в положение последних и не желал их оставлять без жен, но, будучи православным, он был против незаконных связей с некрещеными инородками. Бракам же с крещеными он покровительствовал в интересах скорейшего заселения Сибири; конечно, в этих интересах он сочувственно отнесся к обращенному к нему воплю енисейских крестьян о женах и предписал кн. Хованскому „отписать от себя в сибирские города: где будут сыщут гулящих женок и девок, велеть послати к Енисею“. Однако сыскать русских „гулящих“ женок в сибирских городах было трудно, почему поневоле приходилось смотреть с надеждой, что из затруднительного положения бессемейную вольницу и крестьян в Сибири выведет инородческий сибирский „ясырь“, а это само собой определяло здесь миссионерскую деятельность и даже насильственное распространение среди инородцев христианства. Тем и другим—крещением и брачными связями—московское правительство надеялось всего скорее умиротворить постоянно бунтовавшее инородческое население; но в первом веке владычества этого сделать было невозможно. Слишком много накоплялось в инородческих душах ненависти к пришельцам. Раньше мы видели, какое значение в жизни сибирских инородцев имел ясак, теперь мы, надеюсь, уяснили себе все пагубное для них значение „ясыря“. Под действием этих двух новых условий их существования формировалась психика инородцев, и вполне естественным результатом их боевого настроения явились частые сибирские бунты: то были отчаянные, по своей непосильности, протесты не только против закрепощения труда сибирских инородцев „державством“ и его служилыми людьми, но и против систематического отбирания у них женщин. Вполне справедливо замечает г. Оглоблин в своей статье „О женском вопросе в Сибири XVII в.“, составленной на основании архивного материала, что „одной из главных причин частых бунтов инородцев“ была „месть за женщин“.

Но самый факт насильственного отбирания женщин у инородцев в Сибири был естественным результатом сибирской ко-

лонизации: начатая русским „добрым молодцом“, казаком промысловщиком, вольным и невольным пахарем на хотостом положении, эта колонизация неизбежно должна была выразиться, кроме других многих явлений, и в метизации русского населения в Сибири, в создании здесь своеобразного русско-сибирского типа, может-быть, даже в новой, сибирской разновидности Русского народа.

VIII.

Русская колонизация в Сибири в XVII столетии тяжело налегала на инородческое население этой страны. Оно было побежденным и потому потерпело в самых кровных, самых насущных своих интересах. Мы видели, как властно повели себя пришельцы по отношению к инородческим женщинам, проявив в деликатной сфере половых отношений те грубейшие приемы и нравы, которыми всюду характеризуются господа новых колоний.

Одним из самых серьезных последствий властного положения пришельцев в Сибири было то, что они явились здесь рабовладельцами. Пленные, взятые на войне, и в Сибири попадали в рабство победителям. Как на цветущих плантациях где-нибудь в центральной или южной Америке, так и в мрачной сибирской тайге завоеватели стремились устраивать свое благополучие — и многие из них устраивали — на рабстве, на рабском труде покоренных. Женский и детский „ясырь“, конечно, было всего удобнее эксплуатировать, как полную собственность. Инородка-рабыня прежде всего служила пришельцу, как самка, и в качестве таковой была предметом самой оживленной торговли. При этом в сферу означенной торговли попадали и малолетние девочки, цена на которых была не очень велика, иногда не дороже 20 коп.; их покупали, так сказать, на племя, имея в виду сделать их, по достижении ими зрелого возраста, своими наложницами; нередко, впрочем, владельцы таких девочек не дожидались их половой зрелости.

Половая эксплуатация рабынь-инородок их владельцами не была только индивидуальной. Она шла дальше. Рабовладельцы своих наложниц отдавали за деньги во временное пользование другим, или „в кортом“. Это — обычай, практиковавшийся одинаково и русскими, и инородцами, имевшими его несомненно и до прихода в Сибирь русских. Эти временно исправляющие должность подруги назывались „кортонными девками“, и рабовладельцы иногда составляли из них публичные дома, которые приносили хозяевам значительные доходы. Так эксплуатировалась рабыня-

инородка, как женщина; но сверх того, она эксплуатировалась, как рабочая сила в дому: „самое содержание женщины для наложничества“, справедливо замечает историк рабства в Сибири Шашков, „приносило существенные выгоды рабовладельцу, доставляя ему разом и самку, и даровую работницу“. Часть пленных мужчин несомненно обращалась тоже в рабов, хотя со взрослыми мужчинами в положении рабов предстояло, разумеется, немало хлопот; но за то в числе „ясыря“ желанным для завоевателей элементом были мальчики, в которых они видели будущих покорных даровых работников. Возникало рабское состояние и на почве купли-продажи, на почве, следовательно, кабальной зависимости, причем в числе рабовладельцев являлось и духовенство: „Соборной церкви поп Макарий Федоров“, гласит одна из записей „переписной книги мужеского и женского пола людей“, которые „служат по кабалам и купчим“ у русских служилых людей, „сказал: есть, де, у него самоецкого рода девка Аниютка, куплена у торгового человека, у Гришки Трофимова“; та же запись свидетельствует о том, что другой поп имел „парня и девку остяцкого рода“, „купленных у ясашных остяков“, и что дьякон тоже имел купленных „парня и девку“ ¹⁾ и проч. Можно указать еще на следующее сообщение той же переписной книги: двое боярских детей Лихачевых „сказали: „в прошлом, де, во 189 г., в голодное время купили они у ясачного остяка сына его, и тот остяк у них во дворе крещен именем Николайка“ ²⁾. Из приведенных выдержек видно, что кабальное холопство, в сущности тоже рабство, привилось в Сибири.

Таким образом рабство, женское и мужское, сделалось видным явлением в русско-сибирской жизни; оно вышло из ее суровых, жестоких условий, почему противодействие рабству сибирских инородцев со стороны московского правительства, в частности противодействие Соборного Уложения царя Алексея Михайловича, осталось, как и многое в законодательстве, мертвой буквой ³⁾.

Рабство было громадной социальной данью, которой сибирские инородцы оплатили покорение их русскими. Но подлинными, частными, а не государственными рабами, были далеко не все инородцы; большинство было только холопами великого государя московского, белого царя, на которого в трудные минуты жизни оно, по примеру русского народа, и возлагало все свои надежды

¹⁾ Обзорен. столб. и кн. Сибирск. Приказа, I, 108.

²⁾ Там же, I ч. 108 стр.

³⁾ Шашков, Собр. Сочин., II, 506 — 519. Ядринцев, Сибирь как колония, 412 и сл. Сибирский Сборник, Крепостные в Сибири, статья Михайлова, 95—97.

и упования... А трудных минут в жизни этого инородческого большинства стало с появлением в Сибири русского населения очень много; пришельцы,—господа положения,—сильно давали себя чувствовать туземцам и во многих других отношениях, кроме тех, о коих была уже речь.

Не было насилия, на которое не были скоры победители к покоренным аборигенам. В актах рассеяно немало жалоб, касающихся многих мелких, повседневных агрессивных отношений в жизни первых и последних. То русские „насильством своим“ скосят у туземца сено¹⁾, то причинят какой—нибудь другой ущерб хозяйству инородцев; так, напр., в 1686 г. два черемисина пожаловались на двух кунгурских жителей двум великим государям и царевне Софье за то, что эти кунгуры засекали у них двух кобыл²⁾. Словом, в жизнь инородцев с приходом русских и утверждением их в Сибири, в Западной и Восточной, вошло нечто чуждое, гнетущее и безнадежно роковое... Это роковое вытекало уже из самого факта внедрения русских в Сибири. Им понадобились большие пространства лучших сибирских земель под пашню, для чего выжигались вековые леса,—и вот в инородческих жалобах указывается прямое и трагическое последствие этого явления: вследствие „лесных пожаров“ под пашни „соболь и всякий зверь“ бежит в дальние места³⁾. „Соболь и всякий зверь“ бежал или опромышлялся, и инородцам приходилось плохо. Ясак требовался по—прежнему, а прежнего зверя не было: приходилось поступать к русским „в работу“, чтобы добыть необходимый московскому государю ясак.

Таково было новое „угнетение“, на которое жаловались сибирские инородцы, „угнетение“, являвшееся неизбежным последствием внедрения в Сибири пришлого населения. Господствующее положение этого населения все более и более давало себя чувствовать инородцам и выражалось даже в насильственном держании инородцев в работе, в насильственном скупании у них мягкой рухляди,—по мере того, как увеличивалось количество русских в Сибири.

Мы видели, что в Сибирь шли вольные, гулящие люди, и этому движению покровительствовало московское правительство, само деятельно заботившееся о заселении Сибири и об установлении там пашни. Мы знаем, что вольные и служилые люди зани-

1) Кунгурск. акты XVII в., 121—123.

2) Там же. 95 и след.

3) Обзор столбцов и книг Сиб. Приказа, III., 74.

мались в Сибири и промыслами, и торговлей, главным образом, мягкою рухлядью, добываемую ими здесь разными способами, большею частью хищническими. Эту рухлядь они продавали не замедлившим явиться в Сибирь купцам из Московского государства и из других стран. Возникшая в Сибири, с покорением ее русскими, торговля была тоже одним из путей сибирской колонизации, увеличения в Сибири количества пришлого люда. Всюду в Сибири мало по малу установились коммерческие с'езды, ярмарки в Среднеколымске, Зашиверске, Якутске, Киренске, Иркутске, Оне, Нерчинске, Енисейске, Тобольске, Туруханске, Обдорске, Березове и Ирбите. Автор „Исторического обозрения Сибири“ Словцов указывает, что в XVII ст. „Сибирь кипела сбытом мягкой рухляди“.

В значительной степени этот порожденный завоеванием внутренний сибирский рынок явился результатом спроса русского купечества на сибирские ценные меха и таким образом служил преимущественно потребностям Московского государства, в частности потребностям его торговли; сама же Сибирь получала в обмен за ее меха гораздо меньше того, что она давала, и московская торговля в Сибирь далеко не удовлетворяла русских колонистов в их несложных потребностях, не давая Сибири в достаточной мере даже хлеба. Иногда, впрочем, неудовлетворение хлебом происходило не по вине самих московских купцов. Так, от времени царя Алексея Михайловича имеем известие, что злоупотребления служилых людей в Сибири заставили купцов прекратить привоз туда хлеба, и там настала дороговизна... Как бы то ни было, обмен между Москвой и Сибирью возник и быстро развивался, причем со второй половины XVII стол. важнейшим пунктом этого обмена является Ирбитская ярмарка. Возникновение и развитие торговли между колонией и ее метрополией внесли оживление в сферу обмена между Сибирью и другими азиатскими государствами, существовавшего до прихода в Сибирь русских, но расширившегося с появлением здесь московских купцов. Это—караванная торговля с Бухарой и Китаем. Бухарцы стали приезжать на сибирские ярмарки; являются и китайские купцы с пестрыми тканями, китайкой, бодьяном, хиной, ревенем, шелком и т. п. Тобольск был главным центром этой торговли, дальше которого китайцы не имели права проникать в пределы России. Отсюда купленные у китайцев товары отвозились русскими купцами в Московское государство, из коего частью шли за границу, в Западную Европу, вместе с сибирскими мехами. Наконец, чрез Нерчинск устанавли-

вается русская торговля с Китаем до самого Пекина. Московское правительство сейчас же поспешило укрепить торговые связи с китайцами, как скоро его колониальные владения в Сибири достигли границ Небесной империи. По Нерчинскому договору 1689 г., когда Москва лишилась занятого раньше „землепроходцами“ Поамурия, были установлены более правильные торговые сношения русских с Китаем, более правильный обмен русских товаров, в особенности сибирских мехов, на китайские товары. Московское правительство, внимательно относясь к русско-китайской коммерции, стремилось вообще не выпускать ее из под своей верховной ферулы, желало само пользоваться от этой торговли непосредственными выгодами. Так, в 1694 г. было объявлено повеление общего характера—ежегодно посылать в Китай купцов для торговли в качестве коммерческих агентов самого московского государя, и мы имеем известие, что в 1696 г., очевидно, во исполнение означенного распоряжения, в Китай был снаряжен купец Спиридон Лангусов — отвести в Китай меха и приобрести там в обмен за них золото и разные ткани¹⁾

Так все более и более развиваясь, торговля — и внутренняя и внешняя, в том числе и транзитная, только шедшая через Сибирь,—притягивала в ее новые города и городки все большее и большее количество пришельцев в виде правительственных коммерческих агентов—служилых купцов, бывших доверенными приказчиками царя, и в виде частных купцов и их приказчиков; это был преимущественно люд, приходящий и уходящий, но бывало, хотя и редко, и оседавший в Сибири и таким путем входивший в состав русско-сибирского общества. Так как таких купцов, которые навсегда поселялись в Сибири, было немного, то они естественно становились здесь монополистами. Наконец, состав этого населения пополнялся при помощи ссылки в Сибирь преступников, ссылки, ведущей свое начало еще с XVI стол., когда были сосланы, напр., угличане вместе с колоколом, на звон которого они сбежались и убили предполагаемых убийц царевича Дмитрия. Но в XVI стол. сибирская ссылка еще была более или мене случайным явлением. Лишь в XVII стол. она устанавливается, как весьма распространенный вид наказания, и приобретает большое значение в истории заселения Сибири. Ссылные — это люди, которыми создавался особый вид невольной колонизации Сибири. Как на колонистов, обязанных в Сибири служить и работать,

¹⁾ Словцов, Историч. Обзор. Сибири, 168; Костомаров, Очерк торговли Моск. госуд., 43 и 44.

смотрело на ссыльных московское правительство; оно очень редко, только за тяжкие преступления, напр. за оскорбление Величества, за убийство, ссылало в сибирскую „тюрьму“, а большею частью в „службу“—служилых или на „пашню“—жилицких. Таким образом, оно стремилось и при помощи этих изгнанников, отверженцев метрополии, делать дело по заселению, а следовательно и по укреплению за Москвой сибирской колонии. Правда, многие из этих колонистов являлись в Сибирь не в очень красивом виде, не со всеми членами тела, но без лишения однако трудоспособности. Так у человека, сославшегося „в казаки“, предварительно отрезывались оба уха; у других отрезывалось по одному уху. Правительство царя Федора Алексеевича, предписывая ссылать в Сибирь „на пашню“ воров вместе с их семьями „за одно и за два воровства“, предусмотрительно прибавляет: „без отсечения рук и ног“, а повинившихся в разбое, без убийства, на пашню же, с отсечением, но не рук и ног,—а „двух меньших пальцев у левой руки“ и „с отрезанием левого уха“, значит, тоже без полного уничтожения способности к полевым работам. Несомненно, в интересах заселения Сибири ссыльными рабочими руками со всеми пальцами сполна, указом 1686 г. было повелено налагать очень высокие штрафы на арестованных в Москве гулящих, без узаконенного удостоверения их личности, людей в первый раз 20, во второй 50 и в третий 100 руб.—и в случае неуплаты этих штрафов ссылать их в Сибирь. Само собой понятно, громадное большинство гулящих людей не имело ни малейшей возможности платить такие крупные суммы в качестве штрафов, неизбежно попадало в разряд ссыльных и сильно увеличивало собой кадры невольной сибирской колонизации.

В числе ссыльных в Сибири в XVII стол. немало было иноземцев, польских, литовских, немецких и др. людей, бывших военнопленными и сославшихся в Сибирь обыкновенно „на службу“. К этому же разряду ссыльных, к „иноземцам“, московское правительство относило и „черкас“, малороссов, столь долго принадлежавших к составу другого государства. Документы свидетельствуют, что „иноземцы“, сосланные в Сибирь на службу, часто настолько свыкались с сибирскою жизнью, что не возвращались оттуда на родину и тогда, когда получали для этого возможность. Эти ссыльные „иноземцы“, в особенности навсегда поселившиеся в Сибири, без сомнения, сыграли известную роль в культурном развитии Сибири ¹⁾. Они явились насадителями в Сибири первых

¹⁾ Обзор столбц. и кн. Сиб. Прик., III, 60 и 61.

семян европейского общежития, европейских понятий и форм жизни. Но прежде чем эти семена дали более или менее жизнеспособные ростки на дикой сибирской почве, там встретились культурные течения иного характера, шедшие из недр инородческого и великорусского миров. Из Великороссии явилось сюда христианство, светом которого и тогда старались просветить и спасти темные, погруженные в шаманизм, души сибирских инородцев. Но, должно-быть, плохо светил этот свет через черные рясы сибирских иноков, потому что шаманизм оказался сильнее христовой веры даже для душ пришельцев, не исключая и воевод, проникшихся суеверным страхом и уважением к сибирским колдунам. Так, напр., воевода Пашков, отпуская сына своего воевать „мунгальское царство“, пригласил не священника для молебна о благополучии похода, а шамана, и попросил его, как сообщает очевидец, протопоп Аввакум, „шаманить, сиречь гадать, удастся ли им поход и с добычею ли будут домой“. „Волхв же той, мужик, близ моего зимовья“, рассказывает Аввакум, „привел жирова барана в вечер и учал над ним волховать, отвертя голову прочь. И начал скакать и плясать, и бесов призывать, крича много. О землю ударился и пена изо рта пошла. Беси его давили, а он спрашивал их: удастся ли поход? И беси сказали: с победою великою и с богатством большим будете назад“. Так относились к шаманизму русские властные люди в Сибири на первых порах; в данном случае это тем более поразительно, что при Пашкове находился такой необыкновенный представитель христианства и подвижник, каким был тогда, тоже ссыльный, знаменитый протопоп Аввакум, иногда поучавший его от Св. Писания и постоянно показывавший ему яркие и внушительные примеры христианского терпения. Какие же после этого могли быть действительные, а не формальные плоды от миссионерства пьяных и развратных монахов среди инородческого населения, когда самим русским инородческие жрецы больше импонировали, чем служители Церкви, чем даже этот непоборимый страстотерпец, духовно мощный, хотя тоже едва ли способный смягчать нравы протопоп Аввакум? Разумеется, никаких... Отсюда, мы можем сделать тот вывод, что на первых порах влияние шаманизма на русских было сильнее влияния христианства на инородцев: последние и в тех случаях, когда бывали крещены, оставались в душе шаманистами, — и иначе и быть не могло: сами русские воеводы преклонялись пред авторитетом сибирских „бесов“.

И в других отношениях пришельцы не чуждались быта сибирских инородцев, и это было вполне естественно при условии

сожития их с инородками. Бывало так, что, поселившись на время в татарских юртах, привыкнув есть и пить из одних сосудов с татарами, упиваясь с ними в посты и пользуясь их женщинами, русские люди так обживались в татарском быту, что оставались в юртах на много лет и не строили своих дворов, хотя ничто внешне этому не мешало.

Вообще надо сказать, что каких-либо особенных духовных препятствий к сближению на культурной почве в жизни русских и инородцев в Сибири не замечается, и поскольку между теми и другими не вставало господствующее положение первых и основанное на нем не только политическое, но и социальное неравенство, оба мира, инородческий и русский, уживались мирно и взаимно терпимо относились к особенностям быта каждого из них, перенимая друг у друга те из этих особенностей, которые поражали, которые нравились тому или другому...

Пред чем из особенностей русского быта инородческий мир не устоял в сношениях с русскими, это — пред двумя из заповедных товаров, которые однако доставались инородцам в три — дорога, за ценную мягкую рухлядь, русскими ее скупщиками, — пред табаком и водкой, этими первыми пришлыми богами, пред которыми преклонился сибирский инородец, которые смутили его вековой душевный покой, разрушили его патриархальную нравственность и довели его до окончательного разорения. Так сокрушительно повлиял русский быт в Сибири на инородческий одною из самых отрицательных своих особенностей, отмеченною еще на первых страницах начальной летописи, склонностью русского человека к вину, которое, держа самого его в плену, заполонило и сибирского инородца, — и потому полное освобождение Руси от „зеленого змия“ будет истинным началом культурного возрождения не только русской, но и инородческой жизни. Тогда — то она, сделавшись свободной и в других отношениях, мощно разольется во всю необятную ширь великой нашей родины.

Р. В. Ц. г. Москва.

